

Biogr.

3068_d

Golicyn

gr.

28

ОФИЦЕРСКІЯ ЗАПИСКИ.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ

ОФИЦЕРСКІЯ ЗАПИСКИ,

или

ВОСПОМИНАНІЯ О ПОХОДАХЪ

1812, 1813 и 1814 годовъ.

КНЯЗЯ Н. Б. ГОЛИЦЫНА.

Et quorum pars minima fui.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

1838.

Б. н. 5176

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы по оппечатаиіи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпля-
ровъ. С. Петербургъ, Октября 27 дня, 1836 года.

Ценсоръ А. Фрейгангъ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

1812 ГОДЪ.

Не намъ не намъ а имени Твоему.

Справедливо говоряшъ, что воспоминанія молодоси услаждаюшъ староси, въ особенноси когда они ошносяшся къ важнымъ и знаменнымъ въ Истории событіямъ. Но какая Эпоха можетъ представитъ болѣе такихъ событий, чѣмъ крапкій промежутокъ времени кошорый ошдѣляетъ лѣто 1812 отъ вѣсны 1814? Много вѣковъ пошонуло въ прошедшемъ, много пошонетъ въ будущемъ, но вѣрно ни въ одномъ изъ нихъ не было и не будетъ двухъ лѣтъ такихъ полныхъ и чудныхъ. Онѣ заключаюшъ въ нѣдрахъ своихъ цѣлую сокровищницу наспавленій, ошкрытую для каждаго мыслящаго человѣка, кошорый захочетъ изучитъ уроки, данные тогда Провидѣніемъ человѣчеству. Счастливы въ моемъ ничтожествѣ шѣмъ, что я самъ былъ пылинкою въ сосавѣ огромныхъ орудій, кошорыми дѣйствовало Провидѣніе для доспихенія

своей цѣли, я всегда съ неизъяснимымъ удовольствіемъ переносусь мысленно къ тому времени, когда минувшья бѣдсшя, постигшія мое опечесшво, уснупили мѣсто торжесшвамъ и славѣ, шѣмъ болѣе чистой, что мы великодушно опплашили за покушеніе завоевать насъ, освобожденіемъ народовъ, упадавшихъ подъ пягосшю владычесшва Наполеона. О, слава, бессмертная слава, великому Государю, котораго Богъ назначилъ бытъ исполнителемъ высокихъ своихъ предначертаній, пошому что онъ былъ на то и достойнѣйшій. Александръ, котораго пошомсшво поставилъ выше всѣхъ шѣхъ великихъ мужей, которыхъ Исторія передала намъ однѣ шолько знаменитыя дѣянія, первый показалъ вселенной, изумленной шоликими доблестями, что настоящая слава состоиптъ въ великодушій, правосудіи и кротосши и что для одержанія побѣды въ правомъ дѣлѣ, вѣра, молитва, и упованіе на помощь Всевышняго, дѣйствительнѣе могущесшва власшлюбца, располагающаго безчисленными средсшвами. Эши чувства, которыя одушевляли всѣхъ шѣхъ, которые имѣли счасшіе участвовашъ въ эшихъ незабвенныхъ походахъ, возродились въ сердцахъ нашихъ среди досшопамяшныхъ произшесшвій, которыхъ мы были очевидцами, и для полного уразумленія характера эшой эпохи необходимо прислушашся къ бѣеніямъ Русскаго сердца при

каждомъ переворотѣ столь занимательной политической драмы, которой театромъ была Европа. Если я берусь за перо, то болѣе для того чтобы передать читателямъ впечатлѣнія, возбужденныя во мнѣ тѣми достопамятными событіями, коихъ былъ свидѣтелемъ, «et quorum pars minima fui». Въ моихъ очеркахъ не должно искать ни ученыхъ стратегическихъ разборовъ, ни картинъ общихъ военныхъ дѣйствій. Другіе съ отличнымъ успѣхомъ совершили этакъ трудъ; я намеренъ помѣстить здѣсь одни только тѣ обстоятельство, коихъ сбылись въ моихъ глазахъ, обрисовать ихъ физиономію, и дать отчетъ въ чувствахъ, коихъ онѣ во мнѣ возбуждали.

Когда вѣсть о вторженіи несмѣтныхъ полчищъ Наполеона разнеслась по Россіи, можно сказать, что одно чувство одушевило всѣ сердца, приверженныя къ Царю и Отечеству. Не скрывая отъ себя всю опасность угрожающую отечеству наводненному многочисленными и привыкшими къ побѣдѣ арміями, подъ предводительствомъ самаго знаменишаго и опытнаго полководца, предъ коимъ уже со страхомъ пали многія Европейскія державы, оставалось каждому изъ насъ принести, въ жертву родинѣ, свою жизнь и достояніе, предоставляя Богу обратишь этакъ порывъ священнаго чувства къ торжеству правосудія. Проникнутый та-

кимъ же чувствованіемъ , я оставилъ деревню, гдѣ жилъ, и поспѣшилъ въ С. Петербургъ просить о назначеніи въ дѣйствующую армію, мало заботясь о выгодахъ, которыя предстояли мнѣ, или нѣтъ при опредѣленіи въ службу.

Я выѣхалъ изъ этой столицы 5-го Іюля. Назначеніе мое было въ главную кварширу второй арміи, кою тогда командовалъ генералъ отъ инфантеріи Князь Баграціонъ. Въ то время первая армія, подъ начальствомъ генерала Барклая де-Толли, находилась въ укрѣпленномъ лагерѣ при Дриссѣ, а вторая вступивъ изъ своихъ квартеръ въ Волынской Губерніи, подвигалась для соединенія съ нею. Такое расположеніе обѣихъ армій поставило меня въ необходимость примкнуть къ первой и слѣдовать за нею до предполагаемаго соединенія. Я сначала направилъ путь на Дриссу, но узнавъ дорогою, что армія двинулась отсюда къ Вишербску, сворочилъ на Полоцкъ, и нагналъ ее въ то самое время, когда происходила кровавая битва подъ Оспровнымъ.

Изъ всѣхъ впечатлѣній, поражающихъ неопытнаго молодого человека, при вступленіи его на военное поприще, я не думаю, чтобы какое либо могло сравниться съ тѣмъ, кою ожидало меня къ самому пріѣзду. Чтобы не сбиваться съ дороги, я ѣхалъ по направленію описывающихся вдали пушечныхъ выстрѣловъ, и прибли-

жаясь къ полю сраженія , первая картина , которая представилась моимъ глазамъ , были раненные, принужденные оставить бой, чтобы искать врачебной помощи. Разрубленные черепа, опрѣзанныя руки и ноги , вопль спраждущихъ , смерть, грозившая этимъ несчастнымъ, которые за мину до того были здоровы и не ожидали такой участи, — все это такъ меня взволновало, что слезы ручьемъ брызнули изъ глазъ, и я долженъ былъ удалиться отъ зрѣлища, нестерпимаго для семнадцати-лѣтняго юноши. — Впослѣдствіи , мнѣ часто случалось быть свидѣтелемъ гораздо ужаснѣйшихъ картинъ разрушенія, но никогда уже не чувствовалъ я того, что ощутилъ въ это время.

Два брата мои служили въ лейбъ гвардіи конномъ полку , я присоединился къ нимъ до встрѣчи со второю арміею. Жаръ былъ нестерпимый ; войска шли день и ночь , отдыхали на привалахъ по два или по три часа , и потомъ снова продолжали путь. Такимъ образомъ дошли мы до Смоленска, подъ спѣнами котораго явились въ концѣ Іюля. Князь Багратионъ прибылъ туда почти въ то же время. Соединеніе Русскихъ армій не могло совершиться съ бѣльшимъ успѣхомъ : одинъ день разницы могъ бы имѣть самая гибельная послѣдствія. Такое счастливое соединеніе двухъ армій, не смотря на всѣ усилія непріятеля , представилось мнѣ тогда же,

какъ знакъ особаго расположенія Провиденія къ будущему успѣху нашего оружія. Я пошчасъ явился къ Князю Багратиону, кошорый принялъ меня съ особенною ласкою; и оставилъ при себѣ на ординарцахъ. — Дивизія Генерала Невѣровскаго, сбишая превосходными силами изъ подѣ Краснаго, предвѣщала, что Смоленскъ скоро будетъ предметомъ всѣхъ непріятельскихъ усилій. Не входило въ планъ главнокомандующаго Барклая-де-Толли дасть генеральнаго сраженія, но ему необходимо было удержать на нѣсколько времени Смоленскъ за собою, для того чтобы армія могла совершить свое дальнѣйшее опспупленіе: эшо дѣло поручено было Генералу Раевскому. Во время пребыванія нашего въ Смоленскѣ я былъ свидѣлемъ одной сцены, о кошорой упоминаю только для того, чтобы показать, что кромѣ внѣшнихъ враговъ, у насъ были еще другіе.

Офицеръ, присланный опъ Генерала Невѣровскаго съ извѣспіемъ объ его пораженіи, привезъ съ собою шкапулку, сначала разбишую, пошомъ запечашанную. Съ нимъ пріѣхали пожилой мужчина въ губернскомъ мундирѣ, съ Аннинскимъ крешомъ на шеѣ, и его осьмнадцатилѣтній сынъ. Шкапулку опнесли въ кабинетъ главнокомандующаго, а два незнакомца остались съ нами въ пріемной залѣ. Черезъ чельвершъ часа дверь кабинета опворяется; Князь

Баграціонъ съ грознымъ видомъ выходилъ къ спаршему изъ прѣзжихъ, и не говоря ни слова, срываеиъ съ него Аннинскій кресиъ, тогда отецъ и сынъ съ воплемъ бросились ему въ ноги, но дѣло кончилось тѣмъ, что Князь приказалъ взять ихъ обоихъ подъ спражу. Я неимѣлъ въ послѣдствіи случая узнать, чѣмъ рѣшилась участь этихъ несчастныхъ, но это обстоятельство уже тогда убѣдило насъ въ существованіи измѣнниковъ, въ провинціяхъ присоединенныхъ отъ Польши къ Россіи.

Подъ Смоленскимъ 4 и 5 Августа происходила упорная битва, между тѣмъ какъ обѣ арміи отступали къ Дорогобужу. 6-го числа городъ былъ очищенъ при чемъ увезена и икона Смоленской Божіей Матери; а 7-го, первая армія выдержала жаркое сраженіе при Валушиной горѣ. Вторая шла параллельно съ нею въ направленіи къ Вязьмѣ.

Приближаясь къ Гжашку, мы узнали о прибытіи новаго Главнокомандующаго, и всѣ съ неперпѣніемъ спали гоповишъся къ битвѣ. Кушзовъ чувствовалъ необходимость дать генеральное сраженіе не доходя до Москвы, тѣмъ болѣе, что Французская армія во всякомъ случаѣ должна была претерпѣть большой уронъ, кошораго ей невозможно было замѣнить, тогда какъ мы ежедневно усиливались подкрѣпленіями, подходившими со всѣхъ сторонъ госу-

дарсшва. Мѣстомъ для битвы было избрано Бородинское поле, въ девяти верстахъ отъ Можайска.

Арріергардныя дѣла съ нѣкотораго времени становились упорнѣе: 24-го числа Августа въ направленіи отъ Колоцкого монастыря къ деревнѣ Шевардиной, большая часть арміи Князя Баграціона вступила въ бой. Битва была кровопролитная и продолжалась до поздней ночи. Нѣсколько орудій были отбиты у непріятеля, мы лишились части своихъ, но самая кровавая схватка завязалась у деревни Шевардиной. Здѣсь мы предсавилась ужасная картина обоюднаго ожесточенія, кошорой впослѣдствіи нигдѣ не встрѣчалъ. Сражавшіеся баталіоны, Рускіе и Французскіе, съ распянутымъ фронтомъ раздѣленные только крупымъ, но узкимъ оврагомъ, кошорый не позволялъ имъ дѣйствовать холоднымъ оружіемъ, подходили на самое близкое разстояніе, открывали одинъ по другому бѣглый огонь, и продолжали эту убійственную перестрѣлку до тѣхъ поръ, пока смерть не размешала рядовъ съ обѣихъ сторонъ. Еще разительнѣе спало это зрѣлище подъ вечеръ, когда ружейные выстрѣлы сверкали въ темнотѣ какъ молніи, сначала очень густо, потомъ рѣже и рѣже покуда все утихло, по недоспашку сражающихся.

То было первое дѣйствительное жаркое сраженіе, въ которомъ мнѣ случилось участвовать, и я счастливо отдѣлался отъ такой опасности только конузіею въ лобъ, причиненной пулею, кошорая пролетѣла черезъ мою фуражку. Тутъ я имѣлъ случай испытать какъ впечатленія могутъ быть различны смотря по обстоятельству, въ кошорыхъ мы находимся. Когда по пріѣздѣ моемъ въ армію, я былъ такъ неожиданно пораженъ зрѣлищемъ всѣхъ раненныхъ, сдѣлавшихся жертвою битвы подъ Оспровнымъ, то мнѣ представилось какъ будто бы невозможно возвращаться съ поля сраженія иначе какъ въ подобномъ положеніи. Но когда я шутъ испыталъ на себѣ, что можно выдержать самый смертоносный огонь, и остаться ни убитымъ, ни тяжело раненнымъ, то я увѣрился что уцѣлѣю несомнѣнно послѣ всѣхъ сраженій, въ кошорыхъ доведется впоследствии участвовать. Счастливъ тотъ, кошорый на войнѣ можетъ въ томъ увѣриться, потому что онъ тогда сохраняетъ все спокойствіе и присутствіе духа, необходимыя на полѣ сраженія. Впрочемъ, по мнѣнію моему, такая увѣренность и надѣянность на невредимость, посреди опасностей, можетъ поселиться только въ томъ сердцѣ, кошорое совершенно предается на волю Божію. Что до меня касается, то примѣръ оправ-

далъ сіе правило, ибо мнѣ довелось въ послѣдствіи участвовати по крайней мѣрѣ въ пятидесяти схваткахъ, битвахъ и сраженіяхъ, и кромѣ убитой подо мною лошади въ Кацбахскомъ дѣлѣ, я никогда не получилъ малѣйшей царапины. Само собою понятно, что я здѣсь разумѣю только о тѣхъ, которые не опровергли всякое христіанское чувство, потому что есть храбрость, которая можетъ быть основана на совсемъ противоположномъ образѣ мыслей. Напримѣръ, Наполеонъ, которому никто не откажетъ въ неуспрашимости, возражалъ тѣмъ, которые ему совѣщивали не слишкомъ подвергаться опасностямъ, что то ядро, которое могло бы его убить, еще не вылило, но онъ вѣрилъ въ судьбу или предопредѣленіе.—Но возвратимся къ нашему повѣствованію, которое мы оставили на самомъ занимательномъ періодѣ опеческвенной войны.

25-е число прошло въ приготовленіяхъ къ генеральному сраженію.—Глубокая тишина, которая господствовала повсюду, была предвѣстницею грозы. По всей линіи провозили икону Смоленской Божіей Матери, и каждый изъ насъ могъ приготоовишься съ благоговѣніемъ къ принесенію себя въ жертву Царю и Опеческву. Величественная минута, которая никогда не изгладится изъ памяти моей!

На другой день 26-го Августа насшала долго ожидаемая бивва, названная исполинскою.

Въ пять часовъ утра переспрѣлка слышалась у лѣваго фланга, который занимала вшорая армія, и въ одно мгновение распроспранилась по всей линіи. Раздался громъ двухъ тысячъ пушекъ и двухъ сотъ тысячъ ружей, который пошрясалъ землю подъ ногами нашими, и извергалъ смерть съ такою адскою быспрошою, что всякое спасеніе казалось невозможнымъ. — Сильное спремленіе безчисленныхъ колоннъ непріательскихъ, покушающихся всячески овладѣть нашими орудіями, навалило огромнѣйшую груду мертвыхъ тѣлъ предъ башареею Генерала Раевского, у подошвы которой исчезали цѣлыя дивизіи. Ожеспоченіе неимовѣрное и непоспжимое для того, который небылъ очевидцемъ такой ужасной борьбы. Какъ жизнь человѣческая являешся во всемъ ничпожеспвѣ своемъ, въ такіа минушы, гдѣ оспрая и неумолима коса смерти такъ безоспановочно дѣйспвуешъ и очищаешъ все вокругъ насъ, что каждая секунда, кажешся, должна бытъ послѣднею нашей жизни, и при безпреспанномъ такомъ разрушеніи, всѣ чувспва до того умолкающъ, что глаза не въ силахъ уронишь слезы при видѣ падшаго друга, котораго рука, за минушу до того зжима-ла нашу. Но эшотъ достопамятныи день,

пожравшій столько драгоценныхъ жертвъ, готовилъ нашимъ сердцамъ самый чувствительный ударъ. Въ 44-тый часъ утра обломокъ гранаты ударилъ нашего возлюбленного Генерала въ ногу и сбросилъ его съ коня. Здѣсь суждено ему было кончить блистательное военное служеніе, въ продолженіи котораго онъ вышелъ невредимъ изъ пятидесяти баталій. Его отличные подвиги подъ начальствомъ бессмертнаго Суворова, и собственныя распоряженія, когда онъ командовалъ арміями, прошивъ Шведомъ и Турковъ, увѣнчали его заслуженными лаврами. Быстрое и искусное движеніе, которому мы обязаны соединеніемъ Рускихъ армій подъ Смоленскомъ спавилъ его въ число избавителей Россіи въ 1812 году. Самоотверженіе съ каковымъ онъ подчинился младшему его по службѣ генералу Барклаю, доказываетъ что онъ умѣлъ заглушить чувства самолюбія, когда дѣло шло о спасеніи отечества и повиновеніи воли своего Государя. И въ этомъ случаѣ не суешное тщеславіе руководило имъ: онъ уже былъ осыпанъ всѣми знаками отличія и почестями, которыя можно было желать въ столь высокомъ санѣ; но онъ поступилъ какъ истинный сынъ отечества, и послѣдовалъ чувству отверженія, которое въ времена тяжкаго испытанія, какъ тогдашнія, облегчаетъ всякое пожертвованіе. Къ сожалѣнію, блистательный

успѣхъ этой компаніи не усладилъ послѣднихъ минутъ князя Баграціона; онъ скончался въ имѣніи моего отца, селѣ Симѣ Владимірской Губерніи, 12 Сентября въ самое горькое время, для сердца пылавшаго любовью къ отечеству, каковое тогдашнее положеніе дѣлъ сильно дѣйствующее на патриотическую его душу, уже изнуренную шѣлесными спраданіями, вѣроятно, ускорило кончину его. Тамъ понынѣ покоится его прахъ. Доспойная его славы надгробная, можетъ заключиться въ слѣдующихъ четырехъ словахъ: *Hic cinis, ubique fama*: Здѣсь прахъ, повсюду слава. Когда его ранили, онъ, не смотря на свои спраданія, хотѣлъ дожидаться послѣдствій скомандованной имъ атаки второй кирасирской дивизіи, и собственными глазами удостовѣриться въ ея успѣхѣхъ: послѣ этого, почувствовавъ душевное облегченіе, онъ оставилъ поле битвы. При послѣднемъ прощаніи со мною, онъ посоветовалъ мнѣ явиться въ Кіевской драгунской полкъ, куда онъ меня опредѣлилъ, потому что уважалъ чрезвычайно храбраго командира этого полка полковника Емануеля, о которомъ я часто буду имѣть случай говорить въ продолженіи этихъ записокъ.

Бородинское сраженіе никто уже не называетъ проиграннымъ. Оно стоило ужаснаго множества людей съ обѣихъ сторонъ, но ни

одна сторона не приобрѣла рѣшительнаго перевѣса. Извѣстно, что Французская армія опустуила ночью за 42-ть верстъ, и что съ нашей стороны было предпринято на другой день наступательное движеніе, но главнокомандующій, получая со всѣхъ сторонъ донесенія о невозможности опредѣлить настоящую убыль, и число людей могущихъ быть въ строю, рѣшился опустуить. Я знаю по самымъ достовернымъ свѣдѣніямъ, что въ этотъ день мы имѣли подъ ружьемъ всего 96000 человекъ; по словамъ же самихъ Французскихъ писателей, непріятельская армія была гораздо многочисленнѣе.

Сильная боль отъ конвузій, полученной 24-го числа въ голову, и усталость послѣ столько утомительныхъ трудовъ, принудили меня опривиться въ Москву, куда я прибылъ 31-го Августа. Но какъ видъ этой величественной столицы уже тогда измѣнился! едва на улицахъ встрѣчались экипажи: дворянство и множество жителей другихъ сословій выѣхали изъ города. Люди, которые попадались изрѣдка на встрѣчу, походили на безпріютныхъ сиротъ, ожидающихъ какого-то неизбежнаго бѣдствія. Стоило только выйти на улицу въ военномъ мундирѣ, чтобы привлечь за собою толпу любопытныхъ: тотчасъ начинались распросы, — идешь ли непріятель? какъ кончилась Бородинская битва?

будетъ ли сраженіе подъ Москвою? бѣжать ли изъ города? Эти вопросы спавили меня въ большое затрудненіе, однако я успокоивалъ ихъ, копорые собирались оставлать столицу, и увѣрялъ ихъ въ невозможности сдачи Москвы непріятелю безъ упорнаго сопротивленія. Признаюсь откровенно, я былъ увѣренъ въ истинѣ моихъ словъ, и никакъ не предсавлялъ себѣ, чтобы столица Россіи могла быть отдана Французамъ безъ выспрѣла. Я раздѣлялъ это убѣжденіе со всѣми моими сослуживцами, копорые не имѣли свѣдѣнія о планѣ, принятомъ военнымъ совѣтомъ въ деревнѣ Филяхъ.

На другой день, 4-го Сентября, было воскресенье; я отправился къ обѣднѣ въ Успенскій Соборъ. Въ послѣдній разъ было суждено отправлать Божественную Литургію въ этомъ храмѣ Преосвященному Августину, но кто могъ бы это тогда предсказать? Толпа народа наполняла храмъ Божій; на всѣхъ лицахъ изображалась глубокая горестъ и вмѣстѣ покорность волѣ Всевышняго. Никогда не видалъ я такого всеобщаго благочестія; всѣ сердца единодушно были расположены къ молиствѣ. Воспоминаніе объ этой достопамятной обѣднѣ никогда не изгладится изъ памяти моей. Самъ Преосвященный служилъ съ глубокимъ чувствомъ умиленія, и когда поднимая влажные свои взоры къ Небу и обращаясь къ народу,

онъ произнесъ слова — «*Горѣ имѣемъ сердца*,» всѣ присущспивующіе усшремили глаза, омоченные слезами, къ единому Ушѣшишелю въ скорбѣхъ нашихъ! Каждый разъ, какъ я послѣ того имѣю случай проѣзжаешь чрезъ Москву, я не упускаю посѣщаешь эшопъ великолѣпный храмъ, гдѣ мыслию переносишь, въ забвеніи всего мірскаго къ споль шоржеспвенному часу запечатленному въ сердцѣ моемъ неизгладимою чершою. Царь небесный услышалъ моленія эшого собранія вѣрующихъ. Онъ дозволилъ разрушеніе и поруганіе святаго храма своего для шого, чшобы испребишь поругашелей, и возвесши его въ новомъ великолѣпїи изъ развалинъ.

2-го Сеншября, въ день вѣчно досшопамашный для Москвы, я всшалъ рано по ушпру, сѣлъ на коня и поскакалъ къ Смоленской засшавѣ, съ намѣреніемъ узнашь шамъ чшо нибудь о дѣйспвіяхъ арміи, и въ случаѣ новой бишвы, спѣшишь къ своему мѣспу, чшобы вмѣспѣ съ другими жершвовашъ собою за древнюю Сшоплицу Отечеспва. Недалеко ошъ засшавы, я вспрѣшилъ главнокомандующаго, кошорый совсѣмъ своимъ шшабомъ вѣѣзжалъ въ городъ. Случай былъ превосходный для разрѣшенія моихъ недоразумѣній. Я шущъ же нашель роднаго брата моего, незадолго передъ шѣмъ посшупившаго въ адъютаншы къ генералу Купузову, и присоединившись къ многочисленной свишѣ,

ѣхалъ съ нею черезъ всю Москву. Шествіе наше продолжалось нѣсколько часовъ. Всѣ казались углубленными въ размышленія, ничѣмъ непрерываемыя: тишина и молчаніе царствовали въ продолженіи всего нашего таинственнаго шествія, котораго цѣль и направленіе были извѣсны одному только главнокомандующему. Изрѣдка встрѣчались жители, на лицахъ которыхъ выражалось безпокойство; но всѣ дѣлаемые и повсюдуемые ими вопросы оставались безъ отвѣта. Наконецъ вдали мелькнули два бѣлые столба. Застава! но какая? говорятъ, Коломенская. — Да куда же мы идемъ? — Богъ знаетъ. — Въ единственные восклицанія и вопросы, которые прерывали глубокое молчаніе до того сохраняемое. У этой заставы мы нашли Московскаго военнаго Губернатора графа Распутина; онъ не слѣзая съ лошади, переговаривалъ шопотомъ съ главнокомандующимъ, и возвратился въ Москву, которую мы покидали. Здѣсь только открылась намъ истина. Я не изъ числа людей, которые послѣ развязки увѣряютъ, что еще за ранѣе предвидѣли послѣдствія сдачи Москвы непріятелю: признаюсь: неизъяснимая горестъ сдвинула мое сердце, когда наши сомнѣнія исчезли. Могу сказать, что я раздѣлялъ это чувство со всеми товарищами, которые, подобно мнѣ, судили по своимъ впечатлѣніямъ и не имѣли дальновидности, увѣн-

чавшей такимъ блистательнымъ успѣхомъ со-
 ображенія Генераловъ Голенищева-Кутузова и
 Барклая де Толли. На прелпій день когда за-
 рево пылающей Москвы озарило насъ своимъ
 свѣтомъ, слезы градомъ пошекли изъ глазъ мо-
 ихъ. Но скоро сердце мое оживилось, и я по-
 чувствовалъ внутреннюю опраду при мысли,
 что вмѣсто ожидаемыхъ наслажденій и покоя,
 врагъ найдетъ въ Москвѣ угощеніе, доспойное
 Русскаго народа. Есть минушы въ жизни, копо-
 рыя оставляють по себѣ неизгладимыя впечат-
 лѣнія. Бывъ очевидцемъ споль необъяшнаго
 событія и послѣдствій, копорыя изъ него
 Провидѣніе извлекло къ посрамленію враговъ
 нашихъ, я никогда не подѣзжаю къ Москвѣ
 безъ внутреннего содраганія ошъ мысли о бѣд-
 ствіяхъ, копорыхъ я былъ очевидцемъ. Эшопъ
 городъ являешся мнѣ опкрышою книгою, въ ко-
 торой я чишаю чудесную повѣсть спраданій и
 торжества нашего Опечества. Въ ней вижу я
 чудесныя пушы, копорыми Промыслъ Божій до-
 стигъ предназначенной имъ цѣли, и я шого
 мнѣнія, что, дабы вполне обнять всю силу эшо-
 го небеснаго нравоученія, надобно было пройди
 чрезъ всѣ степеніи мученій и опрадь сердца,
 копорыя, при такихъ необыкновенныхъ пере-
 ходахъ счастья, шо испытывали, шо ободряли
 нашъ христіанскій и военный духъ.

Имѣя намѣреніе опправишся къ своему пол-

ку, я освѣдомился объ его назначеніи и узналъ, что полковникъ Емануель раненъ подъ Бородинымъ и находишся въ ошсущствіи. Между тѣмъ я представился нашему дивизионному командиру графу Сиверсу, который предложилъ мнѣ оспашься при немъ въ должноти адъютанта. Ошсупивъ верспъ шридцать по Коломенской дорогѣ, мы сворошили проселками на Подольскъ, гдѣ зарево пылающей Москвы продолжало освѣщать наше шествіе. Это было несомнѣнно безпримѣрное въ исторіи событіе видѣть всѣхъ эшихъ грозныхъ и молчаливыхъ воиновъ, освѣщенныхъ на походѣ пожаромъ своей столицы, для защиты которой имъ не дозволено было положишь свой живошъ, и какъ будто бы для того чтобы имѣть возможность вполне насытиться такимъ горесшнымъ зрѣлищемъ, они ходили въ разстояніи какихъ нибудь шридцати верспъ вокругъ этого раскаленного пепелища, которое пожирало такое ужасное множесшво состояній. Пусть шѣ, которые не были свидѣтелями столь убійсшвенной для сердца Русскаго картины, перенесущся мыслию къ эшому времени, и тогда они постигнушъ, сколько пошребно было имѣть вѣры и швердосши, чтобы переносить съ бодрымъ духомъ испытанія сшоль горькія и чувсшвительныя для сердца воина и Русскаго. Но какъ всѣ тяжкія испытанія, наши спраданія

были крапковременныя, и съ избыткомъ вознаграждены.

Пятнадцатаго Сентября подъ селеніемъ Красною-Пахрою, мы имѣли кавалерійскую спычку съ непріятелемъ. Тутъ увидѣлъ я въ первый разъ извѣснаго Англичанина Сиръ Роберта Вильсона, который, пишая ненависть къ Наполеону, пріѣхалъ раздѣлять труды компаніи; 17-го завязалось арріергардное дѣло при селѣ Чириковѣ. Въ тотъ же день мы прошли чрезъ Вороново, богатое помѣстье графа Распопчина, гдѣ эпошъ великій гражданинъ, вполне достойный своей славы, предалъ огню свой собственнй домъ осуществляя въ маломъ видѣ мысль, кошорая превршила нашу древнюю столицу въ груду развалинъ.

Не доходя до Тарупина, 22-го Сентября, мы оцпшь имѣли арріергардное дѣло, но можно было замѣтить чпо непріятель не предполагалъ найти здѣсь главныя наши силы, пошому чшо прекратилъ преслѣдованіе. Къ шому же занятіе Москвы, ошъ котораго Наполеонъ ожидалъ конца войны, ослабило его обыкновенную дѣятельность, онъ былъ увѣренъ, что мы первые вступимъ въ переговоры и почиалъ впоросшпеннымъ дѣломъ распоряженія, нужныя для дальнѣйшаго хода компаніи. Такимъ образомъ, онъ насъ упустилъ изъ виду; между шѣмъ Кушзовъ, пожалованный за Бородинское сраженіе

въ Фельдмаршалы укрѣплялъ Тарушинское мѣсто-
положеніе, и сосредоточивалъ на этомъ пунк-
тѣ всѣ свои силы. Эта позиція была выгодна
тѣмъ, что прикрывала наши южныя Губерніи и
давала намъ возможность ударить непріятелю
во флангъ или въ тылъ, куда бы онъ ни на-
правилъ свои дальнѣйшія дѣйствія. Мы просоя-
ли здѣсь въ совершенномъ бездѣйствіи, отъ
22-го Сентября по 6-е Октября. Можно себѣ
представитъ, что въ продолженіи длинныхъ
осеннихъ вечеровъ, единственными разговорами
въ нашихъ товарищескихъ бесѣдахъ были Рос-
сія и послѣдствія будущихъ военныхъ дѣйствій.
Каждый, какъ обыкновенно водился, рассуждалъ
по своему, но уныніе, овладѣвшее всѣми послѣ
сдачи Москвы, очевидно успунало мѣсто на-
деждѣ, особливо когда мы удосновѣрились, что
ни въ какомъ случаѣ миръ не будетъ заключенъ
въ предѣлахъ нашего опеченія. Часъ, назна-
ченный Провидѣніемъ для нашего торжества
приближался, и съ 6-го Октября начинается
для Французовъ рядъ непрерывныхъ неудачъ и
пораженій, копорыя чрезъ три года приковали
гордаго завоевателя къ скаламъ острова Елены.
О неисповѣдимыя судьбы Божіи! что всѣ наши
земныя и человѣческія предположенія, когда они
не одобрены свыше!

Я долженъ здѣсь сказать мимоходомъ, что
при вступленіи въ Тарушинскій лагерь, кор-

пусной командиръ, графъ Осшерманъ-Толстой, потребовалъ меня къ себѣ для исполненія при немъ должности адъютанта. Въ этомъ качествѣ я присутствовалъ при остальныхъ событіяхъ 1812 года. Фельдмаршалъ Кутузовъ, получивъ достоверное извѣстіе, что Французская конница и многочисленный корпусъ, подъ предводительствомъ Мюрата сосредоточились у деревни Винковой, передъ нашею позиціею нѣскольکو вправо, рѣшился возобновить военныя дѣйствія. Вечеромъ 5-го Октября мы выступили изъ Тарушина, и сдѣлавъ ночной переходъ, на разсвѣтѣ очутились передъ Французами, коихъ наше появленіе привело въ замѣшательство; но была Тарутинская побѣда, украшенная многими профетіями. Вслѣдъ за этимъ сраженіемъ мы возвратились въ Тарутинскій лагерь. Но возобновленіе военныхъ дѣйствій съ нашей стороны вывело Наполеона изъ своего очарованія; видя худой успѣхъ мирныхъ предложеній, съ которыми онъ присылалъ Лористона къ Кутузову и ужасаясь послѣдствій, могущихъ произойти опъ споль продолжительнаго бездѣйствія въ такое позднее время года, онъ рѣшился употребить все усилія и военную хитрость, чтобы пробраться въ наши южныя провинціи. Его планъ былъ хорошо обдуманъ, но Провидѣнію не угодно было, чтобы онъ ему удался. Узнавъ что городъ Малоярославецъ,

чрезъ который пролегаетъ новая Калужская
 дорога, занявъ слабо нашими войсками, онъ
 выбралъ эшпъ пущъ, полагая предупредить
 насъ въ Калугѣ. Если бы ему удалось тогда
 пробраться, то вѣроятно его Армія избѣгнула
 бы большую часть шѣхъ бѣдствій, которыя на
 нее грянули въ послѣдствіи, и была бы спасена.
 Но многочисленные наши партизаны, которые
 рыскали во всѣхъ направленіяхъ и не упускали
 изъ виду непріателя, открыли его движеніе къ
 Малоярославцу. Фельдмаршалъ получивъ о томъ
 извѣстіе 11-го числа, немедленно отправилъ 6-й
 корпусъ Генерала Дохтурова, для защищенія
 этого важнаго пункта, и вслѣдъ за симъ вы-
 ступилъ со всею арміею туда же. 12-го Октя-
 бря освящено послѣднее покушеніе Наполеона,
 которымъ, если бы оно удалось, онъ могъ еще
 спасти свою армію, заведенную въ такую отдален-
 ный край, въ самое неблагопріятное время
 года. Корпусъ Дохтурова выдержалъ съ боль-
 шимъ мужествомъ весь натискъ гораздо пре-
 восходнѣйшаго непріателя, и городъ Малояро-
 славецъ въ продолженіи этой упорной битвы
 переходилъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки.
 Между тѣмъ вся армія наша успѣла выстроиться
 къ вечеру позади города. Ночь преградила
 кровавое сраженіе. На другой день 13-го Октя-
 бря мы заняли выгодную позицію въ увѣрен-
 ности, что непріатель возобновитъ свою атаку.

Удивленіе наше было чрезвычайно , когда мы узнали, что Наполеонъ рѣшился опсшупить и направилъ свой путь на Смоленскую дорогу , столько разъ опустошенную. Наконецъ часъ освобожденія насталъ : сердца наши исполнились радости и надеждъ. « Великъ Русскій Богъ , » восклицали мы въ восторгъ ; всякой , кто носилъ военный мундиръ и любилъ свою родину, поймешь наши спраданія при видѣ бѣдсвій постигшихъ Россію : но въ эту минушу, когда надежда побѣды и освобожденія превратились въ увѣренность, мы всѣ ожили сердцемъ. По вступленіи въ Малоярославецъ , 14-го Октября, желая воздать Богу благодарное молебствіе въ святомъ храмѣ его , за явное его покровительствѣ, я поспѣшилъ къ тамошнему Собору. Но какъ выразишь чувства крайняго негодованія, когда приговоривъ умъ мой и сердце къ молитвѣ спѣша въ церковь съ мыслию о благости Всевышняго, и въ забвеніи всего мірскаго, я прочиталъ на дверяхъ храма надпись: *Ecuries du Général Guilleminot. Конюшня Генерала Гиллемино.* Я взглянулъ въ Церковь , и увидѣлъ что гнусная надпись не обманывала ; я долго не могъ опомниться отъ волненія, произведеннаго во мнѣ этимъ поруганіемъ святыни. Въ то время я вполне испыталъ жажду мщенія. Впрочемъ это горестное зрѣлище возобновлялось пошомъ при каждой церкви , мимо ко-

иной проходилъ непріатель, но за то и ка-
кая ужасная кара готовилась поругателямъ !

Для предупрежденія непріателя на большой Смоленской дорогѣ, намъ предписано было идти на Вязьму, чрезъ Г: Медынь. Удивительно, что Наполеонъ не избралъ этой дороги, лучшей и не разоренной. Октября 22-го мы явились въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Вязьмы. Корпусъ Милорадовича сильно шѣснулъ Французскаго Маршала Даву; мы ударили ему во флангъ и довершили его пораженіе. Вечеромъ, мы заняли Вязьму, объящую пламенемъ. Непріатель набросалъ гранатъ въ дома; ихъ прескъ былъ слышенъ во всѣхъ частяхъ города, въ продолженіи цѣлой ночи. Здѣсь представляется одно замѣчательное обстоятельство, которое ясно показываетъ, что перстъ Божій назначилъ Французскую армію къ истребленію. Сраженіе подъ Вязьмою происходило 22 Октября, въ прекрасную теплую погоду при яркомъ солнцѣ. Мы даже досадовали, что такое благопріятное время позволилъ Наполеону уйти отъ Русскихъ морозовъ. Но въ ночи того же самаго числа вдругъ показывается снѣгъ, подымается сильная мѣпель, и морозъ въ 48-ть градусовъ внезапно, какъ будто волшебнымъ образомъ, появившійся, устанавливаетъ жестокую зиму, которая, къ несчастію Французской арміи, послѣ этого не прекращалась. Найдутся ли послѣ по-

го еще слѣпые, копорые скажутъ, что это было дѣйствіе одного только *слуга*, или русскаго климаша? Нѣтъ: скажемъ лучше: Богъ перпишъ, и долго перпишъ нечесливыхъ, но когда беззаконія ихъ превзошли всякую мѣру, онъ дунетъ и они исчезли съ лица земли. Это испребишельное дуновение было необыкновенная буря этой ужасной ночи. Русскій солдатъ, который сохраняешъ свою вѣру во всей чистотѣ, понялъ это небесное нравоученіе, и надобно частію приписать силѣ такого убѣжденія то, что наша армія такъ мало поспрадала отъ морозовъ въ сравненіи съ шѣми бѣдствіями, копорыя постигли непріятеля. 23-го числа мы продолжали преслѣдованіе, и безпрестанно встрѣчали ужаснѣйшія картины разрушенія. На каждомъ шагу намъ попадались несчастные ошолбенѣвшіе отъ холода; они сначала шатались какъ пьяные, пошому что морозъ добирался до мозга, и пошомъ падали мертвые; другіе сидѣли около огня, въ спрашномъ оцѣпенѣніи не замѣчая, что ихъ ноги, копорыя они хопѣли опогрѣшъ; преврашились въ уголь. Многіе бросались съ жадностію на сырую падалину. Я видѣлъ, о ужасъ! какъ нѣкопорые изъ нихъ дошацившись до мертваго тѣла терзали его зубами, и спарались ушолить этою опвраишельною пищею голодъ, который ихъ мучилъ. Если что нибудь могло бы

развлечь ошъ споль гореспныхъ зрѣлищъ, шо былъ видъ всѣхъ разнообразныхъ одеждъ, набранныхъ изъ возимой съ собою Московской добычи, копорья безъ различія половъ кошорымъ онѣ принадлежали, были накинущы шо на головы, шо на плечи и предспавляли каршину, копорая во всякомъ другомъ случаѣ могла бы развеселить. Но ша мысль, что подъ всѣми эшими песпрыми и шуповскими нарядами, мучились несчастные, копорые боролись съ перзаніями голода и холода, и осуждены были на неминуемую погибель, придавала этому ошврашительному маскараду, плачевный и спрашный видъ, располагающій болѣе къ соспраданію, и къ размышленіямъ о превращеніи земнаго счастья. Мы не могли подашь никакой помощи эшимъ спирадальцамъ, пошому что сами имѣли нужду въ необходимыхъ пошребностяхъ жизни, идучи по дорогѣ, опустошаемой каждый день сначала компаніи. Я самъ цѣлую недѣлю довольсшвовался проспыми сухарями и хлѣбною водкою, копорая нечаянно случилась у маркишанта: мой Генераль никогда не держаль у себя спола во время похода. Ночь 26-го Октябра была для меня самая ужасная. Мы цѣлый день дрались подъ Дорогобужемъ, выпѣснили непріателя изъ заняшаго имъ укрѣпленія и ошбили многихъ нашихъ плѣнныхъ, въ шомъ числѣ конной гвардіи Полковника Саковнина и Поручика

Князя Петра Голицына, а ночь я провелъ на бивакахъ, въ снѣгу, въ прескучій морозъ, при сильномъ вѣтрѣ, безъ соломы, безъ дровъ и безъ пищи. У меня небыло даже теплой одежды, потому что находясь всегда въ дѣйсствіи и въ передовыхъ войскахъ, я не имѣлъ даже возможности запасшись вещами, нужными для зимы внезапно появившейся. Труды этой компаніи имѣли вліяніе на мое здоровье и оставили въ немъ слѣды, которые не исчезли до сихъ поръ. Но кто могъ жаловаться на свои страданія при видѣ страданій Французской арміи! По причинѣ недосыпка въ сѣсннхъ припасахъ насъ смѣнили свѣжія войска, а мы, не доходя до Смоленска поворошили въ Кобызево проселочною дорогою, по которой продолжали путь безъ важныхъ происшествій. Однако въ это время, мнѣ случилось дѣлать такіа утомительныя поѣздки, по приказанію моего Генерала, что однажды я проскакалъ около восьмидесяти верстъ верхомъ на одной и той же лошади и наконецъ, заѣхалъ въ глубокій снѣгъ, откуда не могъ ее уже вытащить; я былъ одинъ, въ необразимой снѣжной пустынѣ. Къ счастью моему, оставшій фургонъ, изъ главной кварширы, заблудившись, проѣзжая этимъ мѣстомъ, вывелъ меня изъ ужаснаго положенія, въ которомъ оставалось только замерзнуть.

Нашему корпусу не предстояло болѣе участвовать въ преслѣдованіи непріятеля. Фельд-маршалъ желая дать арміи время успокоиться, послѣ такихъ великихъ трудовъ, предославилъ Генералу Чичагову и Графу Вишгенштейну довершивъ пораженіе непріятеля при переходѣ чрезъ Березину. Но это не входило въ составъ моего повѣствованія, пошому что я шущъ не содѣйствовалъ. Проводивъ армію до Минской Губерніи и удостовѣрившись что намъ уже не будетъ случая пріобрѣсти славы я, желая запасись силами на предстоящую кампанію въ 1813 году, ошпросился въ ошпускъ въ Москву, куда всшупилъ ошець мой съ ополченіемъ Владимірской Губерніи, копорымъ онъ командовалъ. Между тѣмъ городъ Смоленскъ былъ занятъ нашими войсками, но Французы предъ ошступленіемъ своимъ хошѣли ошавить по себѣ памяшь, достойную такихъ посѣщителей и взорвали укрѣпленія, окружающія городъ, что шакже было ими въ Москвѣ учинено съ Кремлемъ. Икона Смоленской Божіей Машери водворена опяшь въ свою обитель ровно при мѣсяца послѣ увезенія ея изъ Смоленска. Главнокомандующій Кутузовъ извѣщая армію о занятіи этого города нашими войсками, и о возвращеніи свяшой Иконы въ свое мѣсто напоминалъ слова Евангелія Луки (зач. 4.) кошорыя читаются на всѣхъ службахъ Богома-

I have been thinking of you very much lately
and wondering how you are getting on.
I hope you are well and happy.
I have been very busy lately
but I have managed to find some time
to write you a few lines.
I have been thinking of you very much lately
and wondering how you are getting on.
I hope you are well and happy.
I have been very busy lately
but I have managed to find some time
to write you a few lines.
I have been thinking of you very much lately
and wondering how you are getting on.
I hope you are well and happy.
I have been very busy lately
but I have managed to find some time
to write you a few lines.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

1813 ГОДЪ.

Съ нами Богъ, разумѣйте языцы,
яко съ нами Богъ.

Кто изъ военныхъ не испыталъ того блаженства копорымъ наслаждаешься, когда, послѣ большихъ трудовъ, вдругъ очутишься подъ родительскимъ кровомъ, окруженнымъ всѣми спокойствами и прихотями жизни, и вмѣсто бивачнаго налега въ снѣгу, спокоишься на мягкой постелѣ? Никогда я не испыталъ этого чувства въ такой степени какъ когда прїѣхалъ въ Москву и всупилъ въ родительскій домъ. Около двухъ мѣсяцовъ помился я голодомъ, ночи проводилъ на чистомъ воздухѣ въ прескучіе морозы, и могу сказать претерпѣлъ всѣ возможныя лишенія и недоспашки. Путешествіе мое изъ Минска въ Москву было не менѣе шягоспно самаго похода. Я ѣхалъ по разоренному краю, гдѣ встрѣчалъ безпресшанно ошановку въ лошадяхъ; теплой квартеры и

пищи добыть было трудно тамъ гдѣ жишелей почти не было; зима сдѣлалась суровая, одежда у меня была самая легкая, да и за деньги не гдѣ было бы купить просшаго шулуна. Такимъ образомъ я цѣлыя при недѣли шащился до Москвы, на почтовыхъ. Но за то уже какое раздолье въ опцовскихъ хоромахъ. Опогрѣлся, выкормился, упокоился, забылъ минувшія сшраданія и гошовъ уже опяшь ишши борощься съ спихіями и опасностями всякаго рода. О военная жизнь! сколько ты сладка.... воспоминаніями.

Кампанія 1813 года не могла опкрышья прежде весны; слѣдовательно у меня было довольно времени: но какъ я рѣшился ѣхашъ на почтовыхъ лошадяхъ только до границы, а опшуда продолжашъ путь на своихъ, то я опшавилъ Москву около половины Февраля съ намѣреніемъ явишья прямо въ свой полкъ. Для эшого я поѣхалъ на Бѣлоспокъ, Варшаву и Дрезденъ. Перемѣны, совершенныя успѣхами нашего оружія казались мнѣ сновидѣніемъ. Въ шесть мѣсяцевъ, мы перешли изъ запруднишельнаго положенія, кошорому никшо не могъ предвидѣшъ шакой скорой и блистательной развязки, въ самое сердце Германіи. Съ какимъ уваженіемъ, и даже восторгомъ, принимали тогда Русскихъ офицеровъ жишели эшой Германіи, кошорые послѣ долгаго угнешенія подѣ

игомъ Наполеона видѣли въ насъ будущихъ из-бавишелей и людей, показавшихъ первый примѣръ сопротивленія *непобѣдимому*. Впрочемъ должно отдатьъ справедливостъ побѣдишелямъ: они были достойны такого лестнаго приѣма, въ нихъ вовсе небыло того хвасшовства, которое даже извинишельно послѣ подобныхъ торжествъ; Русскій офицеръ и солдатъ умѣюшъ воздавать Богу, что принадлежишъ Богу, и Кесарю то, что принадлежишъ Кесарю.

Узнавъ въ Дрезденѣ, что Кіевскій драгунскій полкъ, въ копоромъ я служилъ, споишъ въ Цвикау, Саксонскомъ городѣ, лежащемъ за 44 миль, я прямо шуда ошправился и явился къ моему начальнику Генералъ-маіору Емануелю, копорый принялъ меня чрезвычайно ласково, и предложилъ ошашься при немъ. Я не могъ пожелашъ ничего лучшаго, и почишалъ счасшіемъ учишья военному дѣлу подъ руководствомъ такого опышнаго наставника. Я поспѣлъ къ самому началу военныхъ дѣйствій; черезъ нѣсколько дней произошла Люценская битва, копорая не имѣла для нашего ошряда другихъ послѣдствій, кромѣ ошспупленія къ Дрездену — куда шла вся Прусско-Россійская армія.

Для яснѣйшаго уразумѣнія событій, необходимо бросишъ взглядъ назадъ. Наполеонъ, избѣгнувъ учасши, копорая ожидала его при переправѣ черезъ Березину, и видя, что его

присущствіе болѣе не нужно для погибающей арміи, оставилъ ее на произволъ бѣдственной судьбы и поспѣшилъ въ Парижъ, чтобы употребить всѣ средства для образованія войска и опразить наши покушенія, неизбѣжныя послѣ шѣхъ огромныхъ успѣховъ, которые мы получили. Его дѣятельность и снисходительность Сенаша, который по его волѣ издавалъ законы о наборѣ нужнаго числа конскриптовъ, создали въ непродолжительное время новую армію, впрочемъ бѣдную конницей. Кавалерія его большею частію погибла въ Россіи; — извѣстно, что труднѣе образовашъ кавалерію чѣмъ пѣхоту и легче замѣнить людей, чѣмъ лошадей. Зима съ 1812 на 1813 годъ была употреблена на образованіе и сосредоточеніе новой арміи; въ Апрѣлѣ, она уже была готова къ выступленію въ походъ, подъ личнымъ предводительствомъ своего Императора. Въ это время, Пруссія присоединилась къ Россіи для общихъ усилій въ войнѣ противъ честолюбія одного человека. Начало кампаніи ознаменованное сраженіемъ при Люценѣ, послѣ котораго послѣдовало опшупленіе союзныхъ войскъ къ Дрездену, должно было сообщить болѣе увѣренности къ самимъ себѣ Французскимъ конскриптамъ и возвысить надежды Наполеона: онъ снова видѣлъ себя побѣдителемъ и начальникомъ арміи, созданной какъ бы волшебствомъ.

Вмѣстѣ съ приказаніемъ решироваться на Дрезденъ, Генералу Емануелю дано было порученіе прикрывать съ своимъ опрядомъ переправу войскъ, которыя должны были переходить черезъ Эльбу по лодочному мосту, составленному нарочно для этой цѣли нѣсколько выше города. По ту сторону Дрездена, внизъ по теченію, былъ устроенъ такой же мостъ. Непріятель направилъ всѣ свои усилія на этотъ послѣдній пунктъ для овладѣнія переправою. Наша позиція съ лѣвой стороны была очень крѣпка и отъ того Французы не слишкомъ на нее нападали, но здѣсь случилось одно замѣчательное происшествіе, которое представляешь такое странное соединеніе счастья съ несчастіемъ, что я не могу устоять противъ желанія передать его читателямъ. Я думаю, что въ описаніяхъ войны нельзя встрѣтить другаго столь же необыкновеннаго событія.

Когда войска перешли черезъ мостъ, котораго защита была намъ ввѣрена, на той сторонѣ рѣки оставался еще бастионъ Шлиссельбургскаго полка въ редутѣ, служившемъ къ прикрытію переправы. Въ то самое время какъ я отвезъ ему приказъ, оставивъ укрѣпленіе, начальникъ понтонной роты, который по должности своей, обязанъ былъ разрушить переправу, по прекращеніи въ ней надобности, обратился къ генералу Емануелю, и спросилъ,

не прикажешь ли онъ подрубить канавы и зажечь мостъ. Башаліонъ Шлюссельбургскаго полка въ это мгновеніе началъ только по немъ переходить чрезъ Эльбу. Генералъ замѣшилъ ему, что на мосту находящіяся еще цѣлый башаліонъ пѣхоты, но поншонный штабъ-офицеръ, ошвѣчалъ, что башаліонъ успеетъ перейти пока будутъ зажигать и подалъ знакъ своимъ людямъ, чтобы они приступили къ дѣлу. Пусть себѣ представляешь зрѣлище, которое вдругъ явилось нашимъ взорамъ. Я не въ состояніи выразить нашего ужаса. Какъ скоро по зажженіи, канавы были подрублены, сила течения Эльбы привела плашки въ безпорядокъ, доски переломались и разошлись сами собою; огонь мигомъ охватилъ горючія вещества, расположенныя вдоль по мосту, и башаліонъ Шлюссельбургскаго полка былъ окруженъ пламенемъ. Положеніе несчастныхъ воиновъ, осужденныхъ на неминуемую гибель отъ огня или воды, было такъ ужасно, что никакъ не лзя было подать имъ помощи. Спасеніе казалось невозможнымъ, и намъ зрителямъ, предстояло смотрѣть, сложя руки, на гибель этихъ несчастныхъ воиновъ, которымъ оставалось только избрать родъ смерти, и предпочтительно утопиться, дабы избавиться адскаго мученія огня. Но чего не можетъ совершить Богъ тамъ, гдѣ силы человека ничожны! — Въ этой роковой

крайности, одинъ солдатъ, болѣе другихъ предприимчивый, бросаеся съ моста въ воду, не оставляя ни ружья ни ранца. Вошъ, бездна такъ и поглотили несчастнаго, думали мы. Но нѣтъ: къ всеобщему нашему изумленію вода дошла ему только до плечъ. Неужели на этомъ самомъ мѣстѣ Эльбы, столь быстрой и глубокой, есть бродъ? Видъ солдата, который шель въ водѣ и безпрепятственно приближался къ берегу, перемѣнилъ вопли ужаса въ радостныя восклицанія. Въ одно мгновеніе цѣлый батальонъ бросился въ рѣку, и мы имѣли счастье быть свидѣтелями его спасенія; не только люди, но и самая амуниція уцѣлѣла вся безъ исключенія. Такая неожиданная развязка заставила насъ забыть о неосторожности, которая едва не причинила величайшее бѣдствіе, и мы предались радости, возбужденной чудеснымъ спасеніемъ пяти сотъ храбрыхъ подвижниковъ нашихъ. Князь Владимиръ Сергѣевичъ Голицынъ, который не знаю по какому случаю попался въ эту суматоху, вынесъ на своихъ плечахъ заслуженнаго командира Шлюссельбургскаго полка, полковника съ сѣдинами, и украшеннаго орденами св. Георгія 4-й степени, и св. Владимира 3-й; начальникъ же конной роты, который такъ неосторожно распорядился въ преждевременномъ употребленіи моста, едва не сдѣлался жертвою своей поспѣшности, стоя на краю моста и

облокопившись на перилы, онъ покапился головою внизъ на дно Эльбы какъ только подрубили канаты, и его съ шрудомъ привели въ память.—Чѣмъ болѣе я размышляю объ общошельствахъ эшого происшествія, тѣмъ болѣе желаю уподобить его тому чуду, силою котораго волны Чермнаго моря разверзлись нѣкогда для избраннаго народа. Даже окрестные жители не знали, что въ эшомъ мѣстѣ есть бродъ; піонеры, которые наводили мостъ никакъ не подозрѣвали его существованія: имъ однакожъ не лзя было не замѣтить его, еслибъ онъ прежде находился здѣсь, подъ ихъ ногами. Для чего было наводить мостъ тамъ, гдѣ въ немъ не предсшяло ни какой надобности, гдѣ можно переходить въ бродъ, и гдѣ само разрушеніе переправы не остановило бы непріятеля, преслѣдующаго насъ въ случаѣ ошступленія? сверхъ шого, эшо было весною, когда снѣга, шающіе на горахъ Саксонской Швейцаріи и Богеміи, поднимающъ воду во всѣхъ рѣкахъ, и особенно въ Эльбѣ. Но въ военное время, когда ошъ переправы зависить участь цѣлой арміи, могутъ ли броды—на такой рѣкѣ какъ Эльба—не быть извѣстными? Какимъ же образомъ существованіе эшого брода было неизвѣстно самимъ жителямъ? Пусть толкуютъ чудесное спасеніе нашихъ шоварищей, какъ хошашъ, все таки, по крайней мѣрѣ для меня въ эшомъ

крайности, одинъ солдатъ, болѣе другихъ предприимчивый, бросаеся съ моста въ воду, не оставляя ни ружья ни ранца. Вопъ, бездна такъ и поглопишъ несчастнаго, думали мы. Но нѣтъ: къ всеобщему нашему изумленію вода дошла ему только до плечъ. Неужели на этомъ самомъ мѣстѣ Эльбы, столь быстрой и глубокой, есть бродъ? Видъ солдата, который шель въ водѣ и безпрепятственно приближался къ берегу, перемѣнилъ вопли ужаса въ радостныя восклицанія. Въ одно мгновеніе цѣлый батальонъ бросился въ рѣку, и мы имѣли счастье быть свидѣтелями его спасенія; не только люди, но и самая аммуниція уцѣлѣла вся безъ исключенія. Такая неожиданная развязка заставила насъ забыть о неосторожности, которая едва не причинила величайшее бѣдствіе, и мы предались радости, возбужденной чудеснымъ спасеніемъ пяти сотъ храбрыхъ подвижниковъ нашихъ. Князь Владимиръ Сергѣевичъ Голицынъ, который не знаю по какому случаю попался въ эту суматоху, вынесъ на своихъ плечахъ заслуженнаго командира Шлюссельбургскаго полка, полковника съ сѣдинами, и украшеннаго орденами св. Георгія 4-й степени, и св. Владимира 3-й; начальникъ же конной роты, который такъ неосторожно распорядился въ преждевременномъ истребленіи моста, едва не сдѣлался жертвою своей поспѣшности, стоя на краю моста и

облокопившись на перилы, онъ покапился головою внизъ на дно Эльбы какъ только подрубили канаты, и его съ шрудомъ привели въ память.—Чѣмъ болѣе я размышляю объ обстоятельствахъ этого происшествія, тѣмъ болѣе желаю уподобить его тому чуду, силою котораго волны Чермнаго моря разверзлись нѣкогда для избраннаго народа. Даже окрестные жители не знали, что въ этомъ мѣстѣ есть бродъ; пионеры, которые наводили мостъ никакъ не подозрѣвали его существованія: имъ однакожъ не лзя было не замѣтить его, еслибъ онъ прежде находился здѣсь, подъ ихъ ногами. Для чего было наводить мостъ тамъ, гдѣ въ немъ не предсояло ни какой надобности, гдѣ можно переходить въ бродъ, и гдѣ само разрушеніе переправы не остановило бы непріятеля, преслѣдующаго насъ въ случаѣ опсупленія? сверхъ того, это было весною, когда снѣга, пающіе на горахъ Саксонской Швейцаріи и Богеміи, поднимающъ воду во всѣхъ рѣкахъ, и особенно въ Эльбѣ. Но въ военное время, когда ошъ переправы зависить участь цѣлой арміи, могутъ ли броды—на такой рѣкѣ какъ Эльба—не быть извѣстными? Какимъ же образомъ существованіе этого брода было неизвѣстно самимъ жителямъ? Пусть толкуютъ чудесное спасеніе нашихъ товарищей, какъ хотящъ, все таки, по крайней мѣрѣ для меня въ этомъ

происшествіи тайніся что-то сверхъестественное, чего я не могу объяснить безъ предположенія особенной милости Божіей. И кто знаетъ? можешь быть милосердый Богъ соспирдая объ эшихъ воинахъ, столь храбро сражавшихся за вѣру, Царя и отечества, погибающихъ отъ неоспорожности одного человека, не захотѣлъ допустить ихъ гибели и создалъ эшотъ бродъ на эту пору единственно для спасенія ихъ. Все возможно Богу. И кто знаетъ не воспарила-ли тогда изъ сердца одного изъ эшихъ погибающихъ воиновъ крашкая, но теплая и исполненная упованія молитва, словомъ сказать, такая молитва, которая прямо лешитъ къ преспоу Божьему, и была причиною того чуда, которое должно было ихъ всѣхъ спасти. Пусть обвиняютъ меня въ суевѣріи, но это происшествіе останешся, по моему мнѣнію, непоспимымъ, если мы не допустимъ здѣсь сверхъестественное. Я сожалею, что мнѣ не удалось узнать впослѣдствіи, сущесвуешъ-ли эшотъ бродъ по-сю-пору, или исчезъ послѣ нашего перехода, какъ явился неожиданно для сохраненія горши храбрыхъ защитниковъ праваго дѣла и одушевленія остальныхъ упованіемъ на помощь Неба.

Послѣ этого событія, которое глубоко насъ поразило, мы продолжали спступать къ Бишофсвердену; дорогою Генераль Емануель замѣ-

шилъ мнѣ, что въ военномъ дѣлѣ нельзя имѣть слишкомъ много опытности, и что излишнее довѣріе къ другимъ можетъ быть источникомъ событій, самыхъ непредвидимыхъ и самыхъ гибельныхъ по своимъ слѣдствіямъ. На другой день, генералъ нашъ получилъ приказаніе образовать лучшій отрядъ и идти съ нимъ къ горной цѣпи, замыкающей равнину, которая простирается отъ Дрездена до Силезіи. Съ вершинъ этихъ горъ мы должны были наблюдать за движеніями непріятеля, и каждый день доносить Главнокомандующему. Назначеніе было очень важно, потому что оно ставило нашъ отрядъ съ боку Французской арміи, и давало намъ возможность дѣйствовать ей въ тылъ и слѣдовать за малѣйшими ея движеніями. Недостатокъ кавалеріи не позволялъ непріятелю всегда рекогносцировать свой правый флангъ, и потому онъ не скоро открылъ новыхъ аргусовъ, которые были отъ него такъ близко. Мы продолжали наблюденія до самой Бауценской битвы; но присущіе намъ въ горахъ не могло на всегда оставаться неизвѣстнымъ, и Французы послали сильный отрядъ, чтобы насъ вытѣснить изъ горъ. Но это имъ не удалось. Мы имѣли съ нимъ жаркія схватки 29 Апрѣля при Вейсигѣ, 30-го при Штолпенѣ, 6 и 7 Мая подъ Нейкирхеномъ. Несмотря на эти встрѣчи, цѣль наша была достигнута. Мы собирали достоверныя свѣдѣнія

о движеніяхъ непріятельской арміи и доставляли ихъ въ главную кварширу. 8-го и 9-го Мая произошло генеральное сраженіе на поляхъ Бауценскихъ, и нашему опряду удалось сдѣлать счастливую диверсію противъ праваго непріятельскаго фланга, кошорая содѣйствовала къ уничтоженію его усилій съ этой стороны. Здѣсь я могъ удостовѣриться что генераль Емануель рожденъ для военнаго ремесла. 8-го Мая наблюдая съ высоты горъ за движеніями непріятеля, нашъ генераль сдѣлался внезапно боленъ. Сильное расстройство желудка сопровождаемое рвотою, заставляло насъ беспокоиться не только о здоровьи нашего начальника, но и участи нашего опряда, кошорымъ никшо не былъ бы въ состояніи распоряжаться, если бы недугъ имъ овладѣлъ.—Мы находились на вершинѣ горъ, когда генералу здѣлалось дурно. Въ то самое время, сильный опрядъ непріятельской былъ направленъ противъ насъ, и уже было видно какъ онъ подымается на гору и приближается къ намъ. Я пристально смотрѣлъ на своего генерала, и готовился доложить ему объ угрожающей намъ опасности, но онъ не смотря на свою болѣзнь не смыкалъ глазъ и наблюдалъ за движеніемъ непріятеля. Вдругъ засвисшали пули мимо ушей нашихъ; уже непріятель опдаленъ опъ насъ только на пистолешный выстрѣлъ, какъ вдругъ

генералъ Емануель какъ будто оживленный свисшомъ пуль , вспаешъ съ бодрымъ видомъ , сядишся на лошадь , подъѣзжаетъ къ своему опряду, дѣлаешъ нужныя распоряженія, и ашакуешъ непріяшеля кошораго обращаешъ въ бѣгство. Съ шого времени и рвоша прекрапилась и болѣзнь прошла. Не всѣмъ удаешся такими средспвами вылѣчивашься.

Во время нахожденія моего въ лесушемъ опрядѣ, я неоднократно имѣлъ случай удивлянься вѣрности взгляда и воинской смѣливости нашего генерала. Съ возвышеній, копорыя мы занимали, можно было обозрѣть всю обширную долину, покрытую Французскими войсками. Ни одно ихъ движеніе не избѣгало опъ нашего начальника: онъ не выпускалъ изъ рукъ зрительной трубы и ни разу не ошибся въ предположеніяхъ своихъ, опносительно цѣли переходовъ. Гонцы опправлялись по нѣскольку разъ въ день въ главную кварширу, съ подробными донесеніями о шомъ , что происходило у непріяшеля. Генералъ Доврѣ , въ шо время начальникъ штаба арміи, говорилъ мнѣ впослѣдствіи , что свѣдѣнія, доставленные нами, принесли великую пользу. Такимъ образомъ мы шли съ боку Наполеоновой арміи до Силезіи , и имѣли еще нѣсколько встрѣчъ съ непріяшелемъ, какъ шо: подѣ Рейхенбахомъ, гдѣ убишъ другъ Наполеона Дюрокъ, и при Спригау въ Силезіи.

Провидѣнію, безъ сомнѣнія, угодно было ослѣпить Наполеона на счепъ опасности его положенія: оно дозволило ему пожасть новыя лавры и бивва при Бауценѣ засшавила нѣсколько времени думать, что звѣзда его, зашмившаяся въ кампаніи 1812 года, взойдетъ съ новымъ блескомъ въ 1813. Мы продолжали наше опспупленіе на Силезію, и тушь узнали, что переговоры идушь о заключеніи перемирія. Официальное о томъ извѣстіе пришло къ намъ между Спригау и Яуеромъ. Опряду Генерала Емануеля поручено было охраняшь передовыя линіи, такъ, что мы не воспользовались даже тѣми удобствами, копорыя имѣла цѣлая армія, расположенная на хорошихъ квартирахъ. Намъ пришлось спояшь на бивакахъ, на пограничной чертѣ въ продолженіе всего перемирія. Мы находились въ спранѣ, богатой превосходными мѣстоположеніями, и при томъ въ самое лучшее время года. Съ согласія моего генерала я сдѣлалъ небольшое пупешествіе къ Исполинскимъ горамъ, Riesen-Gebierge, копорыхъ пишина и романпические виды внушали задумчивость и поражали меня разительной пропиво-положноспью съ бурнымъ образомъ нашей военной жизни. Я посѣшилъ Гиршбергъ, Грейффенбергъ, Швейдниць, Глаць, Рейхенбахъ, и проѣхалъ даже до Ландеккскихъ минеральныхъ водъ, гдѣ въ то время были Ихъ Величества Импе-

рашоръ Александръ и Король Прусскій. Множество офицеровъ всѣхъ чиновъ приумножили блистательное общество, собравшееся на водахъ. Мы сходились всякій вечеръ въ панцовальной залѣ. На одномъ изъ этихъ вечеровъ я имѣлъ счастье въ первый разъ видѣть юную принцессу, дочь Его Величества Короля Прусскаго, нынѣшнюю Императрицу Всероссійскую. Она ослѣпляла своей красою. Императоръ Александръ сдѣлалъ съ ней нѣсколько круговъ вальса. Тайное предчувствіе говорило намъ, что родственный союзъ царствующихъ домовъ Россіи и Пруссіи скрѣпитъ связи, соединявшія въ то время двѣ великія державы. Я имѣлъ счастье обратишь на себя вниманіе Его Величества Короля Прусскаго, который нѣсколько разъ удостоивалъ меня своего разговора и спрашивалъ объ участіи, какое я принималъ въ кампаніи, 1812 года, и въ новой кампаніи, прерванной перемиріемъ.

Эта прогулка по веселой и прекрасной Силезіи будетъ всегда въ числѣ моихъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній. Но труба войны уже призывала насъ къ новымъ битвамъ, и я поспѣшилъ къ своему храброму и достойному начальнику. Между тѣмъ, послѣ прекращенія переговоровъ въ Прагѣ, Австрія положила на вѣсы свое могущественное содѣйствіе. Такимъ образомъ,

всѣ народы, желавшіе свергнуть съ себя иго Наполеона, соединялись съ Русскими.

Когда срокъ перемирія кончился, мы перешли черезъ демаркаціонную линію и первая наша встрѣча съ непріятелемъ была при Цобшенѣ на Бобрѣ 7-го Августа. Сраженія нашего Авангарда съ корпусомъ Макдональда принадлежишь къ числу самыхъ упорныхъ и жаркихъ дѣлъ, въ копорыхъ мнѣ случилось находиться. Мы опбили весь обозъ Французскаго Маршала. Я забылъ упомянуть, что со времени возобновленія военныхъ дѣйствій, нашъ опрядъ сославлялъ часъ авангарда корпуса графа Ланжерона, копорого войска принадлежали къ Силезской арміи, бывшей подъ командою Блюхера. Послѣ Цобшенскаго дѣла, мы приблизились къ главнымъ силамъ союзной арміи, копорыя оставались въ значительномъ разстояніи назади; для этой цѣли, мы опспутили къ Голдбергу, гдѣ имѣли 11-го Августа жаркую схватку съ непріятелемъ, копорый и здѣсь, какъ при Цобшенѣ, превосходилъ насъ числомъ. Но день генеральной битвы былъ близокъ, и мы снова опрешировались къ Кацбаху, рѣчкѣ, копорая сходитъ съ горъ, и омываетъ долину того-же имени. Съ самаго возобновленія войны, погода дѣлалась часъ-опъ-часу хуже; дождь лилъ не преспавая, мы всѣ были промочены до костей, но сушишь было нѣкогда. Опъ 7 до 14 Авгу-

сѣ всѣ усилія непріятеля были исключительно направлены противъ нашего арріергарда, состоявшаго изъ двухъ полковъ егерей, трехъ полковъ кавалеріи и 12 орудій. Эти войска, въ особенности пѣхота, были чрезвычайно упомянуты не столько переходами, сколько опъ дурной погоды, при которой они непрерывно должны были отражать превосходныя силы непріятеля. Въ такомъ состояніи находились они 14 Августа. На разсвѣтъ этого дня, не смотря на дождь, который шелъ сильнѣе обыкновеннаго, мы завязали съ непріятелемъ дѣло, превращившееся къ вечеру въ общее сраженіе. Отступая по немногу, мы довели Французовъ до самыхъ линій Силезской арміи, состоявшей изъ корпусовъ, Йорка, Ланжерона, и Сакена, и расположенной на Кацбахской равнинѣ. Нашъ отрядъ занималъ крайнюю оконечность лѣваго крыла, которая прислонена была къ горѣ, покрытой лѣсомъ. Перемокшія ружья оказывались служимъ союзникамъ; вся честь принадлежала артиллеріи, конницѣ и холодному оружію. Кавалерія генерала Васильчикова разбивала цѣлыя карре на правомъ крылѣ и опняла у непріятеля около сѣа орудій. Но положеніе лѣваго становилось часъ-опъ-часу затруднительнѣе, я уже сказалъ, что защита этого важнаго пункта была ввѣрена войскамъ арріергарда, измученнымъ усталостью и битвами, которые

они выдержали въ шеченіе недѣли. Къ вечеру, Французы повели съ этой стороны атаку съ такою стремительностью, что наша пѣхота пришла въ замѣшательство и подалась назадъ. Все зависѣло отъ одного рѣшительнаго мгновенія; непріятель, овладѣвъ холмами, копорые съ лѣвой стороны, господствовали надъ всею нашею позиціею, могъ пославить на нихъ батареи, стрѣлять вдоль по линіи, и принудить ее къ отступленію, не смотря на всѣ успѣхи праваго крыла. Надобно было удерживать эти холмы за нами, чего бы то ни стоило. Не имѣя ни подкрѣплений, ни резервовъ, генералъ Емануель замѣнилъ ихъ своимъ мужествомъ и рѣшительностью. Онъ приказалъ 2-му Украинскому казачьему полку, подъ начальствомъ Князя Щербатова, занять лѣсъ позади нашей пѣхоты и рубить всякого пѣхотинца, который покусится пробираться сквозь эту цѣпь. Въ то же время, съ своими офицерами, бросается онъ долой съ коня, собираетъ упомянутыхъ стрѣлковъ, ободряетъ своимъ примѣромъ; войско, при крикахъ ура! стремительно атакуетъ непріятели въ штыки, и принуждаетъ его къ отступленію. Надобно было видѣть этотъ прекрасный подвигъ для того, чтобы судить объ его чудесномъ дѣйствіи и о вліяніи, какое имѣетъ на солдата примѣръ начальника. При этомъ случаѣ, подо мною убиша

лошадь. Наконецъ усилія наши увѣнчались успѣхомъ, но крипическое положеніе нашего лѣваго фланга въ самую рѣшительную мину бивы, и способъ, копорымъ оно было исправлено, оспались неизвѣспными, попому что генераль Емануель, соединяя мужество съ скромносшью, дѣлалъ свое дѣло и не хваспалъ.

Я долженъ здѣсь принести дань уваженія памяши полковника Пародовскаго, командира Лифляндскаго конноегорскаго полка, одного изъ храбрыхъ, падшихъ на поляхъ Коцбаха. Казалось, само небо осперегало эшого неуспрашимага офицера, ошъ учаспи, копорая его ожидала: въ Цобщенскомъ дѣлѣ, ядро упало у самыхъ ногъ его, и совершенно покрыло его землею; при Голдбергѣ, надъ головою его лопнула граната, копорая сильно его оконпузила и обезобразила. Въ Кацбахскомъ сраженіи, ядро ошорвало у него голову. Миръ его славному праху!

Принужденная къ ошспупленію Французская армія съ трудомъ могла совершить его въ порядкѣ, по причинѣ разлива рѣчки, подняшой безпрерывными дождями. Эшо обспояшельство доспавило намъ на другой день новый успѣхъ при Пильграмедорфѣ, гдѣ Кіевскій драгунскій полкъ ошбилъ у непріашеля семь орудій. Ошспупленіе Французской арміи спановилось болѣе и болѣе запруднишельнымъ, ошъ разлива

рѣкъ и дурнаго состоянія дорогъ испорченныхъ дождями. Переправа ея чрезъ Бобръ обѣщала намъ новую побѣду. Въ самомъ дѣлѣ 17 Августа, нашъ авангардъ въ соединеніи съ корпусомъ князя Щербашова заставилъ Французскую дивизію Генерала Пюшо положить оружіе, и уступилъ намъ всю свою артиллерію и обозъ. Мы продолжали преслѣдованіе чрезъ Герлицъ до самаго Рейхенбаха, но здѣсь непріятель началъ вдругъ дѣйствовать наступательно, и опбилъ бы у насъ орудія, если бы Кіевскій драгунскій полкъ не бросился въ атаку, и не обратился въ бѣгство Французскихъ кирасировъ. Это служило признакомъ присутствія Наполеона, который желая исправить Кацбахскую неудачу, спѣшилъ сразиться съ нами. Но уничтоженіе корпуса Вандамма Россійскою гвардіею случившись въ это самое время, принудило его возвращаться снова туда гдѣ его дѣла настоятельно требовали его присутствія.

Пострадавъ много отъ дурной погоды, я заболѣлъ лихорадкою, что заставило меня опказаться на нѣсколько времени отъ участія въ трудахъ моихъ сослуживцевъ. Получивъ позволеніе осматриваться для поправленія здоровья, я поселился до совершеннаго выздоровленія въ Яуеръ, небольшомъ Силезскомъ городѣ. Горячка удержала меня въ постелѣ цѣлый мѣсяцъ, оправившись отъ недуга и предвидя великія со-

бышія, я поспѣшилъ возвратиться къ моему мѣсту, но по невозможности пробраться черезъ Дрезденъ, занятый непріятелемъ, долженъ былъ сдѣлать большой объѣздъ на высшую Лузацію. Къ величайшей досадѣ, я прибылъ въ армію въ ночь, кошорая послѣдовала за знаменитою Лейпцигскою битвою, однако я успѣлъ еще принять участіе въ подвигѣ, безпримѣрномъ въ лѣтописяхъ войны и кошораго вса честь принадлежишь генералу Емануелю.

Въ качествѣ начальника авангарда, генералъ нашъ имѣлъ обыкновеніе лично обзрѣвать положеніе непріятеля: на другой день послѣ Лейпцигскаго сраженія, онъ, исполняя эту добровольную обязанность, отправился за аванпосты, имѣя при себѣ только капишана Кюбеля, поручика Зелмицъ, меня, и восемь кавалеристовъ для прикрытія. Мы проѣхали вдоль по берегамъ Эльстера сколько было нужно нашему начальнику для его наблюденій и уже повернули назадъ, когда замѣтили двухъ человѣкъ, кошорые старались пробраться на противоположный берегъ по обломкамъ разрушеннаго моста, состоявшаго изъ поперечныхъ перекладинъ; одинъ изъ нихъ старался провести свою лошадь, кошорая поскользнулась, упала и исчезла въ волнахъ. Генералъ Емануель подскочилъ къ мосту и угрозами принудилъ незнакомцевъ перейти снова на нашу сторону и сдаться.

Одинъ изъ плѣнниковъ расстегнулъ шинель, показалъ намъ свои знаки опличія, и объявилъ, что онъ Генераль Лориспонтъ. Мы поскорѣе его взяли съ собою. Не далеко отсюда намъ предсѣла довольно широкая улица Лейпцигскаго предмѣстія, копорая пересѣкала нашу дорогу. Въ то самое время, какъ мы собирались чрезъ нее переѣхать, мы увидѣли Французскій батальонъ, копорый шелъ въ величайшемъ порядкѣ, съ заряженными ружьями. Впереди находилось человекъ двадцать офицеровъ. Когда мы взаимно усмотрѣли другъ друга, мы остановились; къ счастью нашему, извилины тропинки по копорой мы ѣхали, и деревья, бывшія съ той стороны отсюда шелъ батальонъ, скрывали нашу малочисленность. Генераль Емануель, смекнувъ сей часъ, что ему надобно дѣйствовать рѣшительно, пользуясь замѣшательствомъ произведеннымъ между Французами нашимъ неожиданнымъ появленіемъ, закричалъ имъ сипловымъ голосомъ: *Bas les armes*: «Бросайте оружье.» Изумленные офицеры начали совѣщаться между собою, но нашъ неустрашимый генераль видя ихъ колебаніе, не далъ имъ времени размышлять и закричалъ имъ снова: *Bas les armes ou point de quartier*: «бросайте оружье, не то вамъ пощады не будетъ.» И въ то же мгновеніе махая саблею, обратился съ удивительнымъ присудствиемъ

духа къ своему малочисленному отряду, какъ будто для того, чтобы командовать намъ атаку. Но эта угроза произвела свое дѣйствіе, и вдругъ всѣ Французскіе ружья упали на землю какъ по волшебству. Тогда всѣ офицеры предводимые майоромъ Ожеро, брашомъ маршала, поднесли намъ свои шпаги. Но, принявъ ихъ было нѣкому, и генераль сказалъ имъ съ благородствомъ, что онъ вѣрнѣе ихъ чести, и оставилъ шпаги при нихъ. Тронутые такимъ знакомъ довѣренности, офицеры съ плѣннымъ батальономъ, по приказанію генерала, пошли впереди насъ. Мѣра необходимая чтобы скрыть отъ нихъ нашу малочисленность. Въ такомъ порядкѣ мы дошли до нашихъ аванпостовъ, отъ копорыхъ удалились-было на значительное расстояние: достигнувъ до лагеря, мы могли подумать на досугъ объ опасности, отъ копорой насъ чудеснымъ образомъ избавило присутствіе духа и отвага нашего Генерала. Если бы одному изъ нашихъ плѣнниковъ вздумалось насъ пересчитать, мы бы погибли.

Лорисшонъ, углубленный въ размышленія во время спяннаго шествія слишкомъ чепырехъ-сотъ чловѣкъ, положившихъ оружіе предъ двѣнацатью Русскими, обратился къ нашему начальнику съ вопросомъ.» Кому я имѣлъ честь отдать свою шпагу?»—«Вы имѣли честь сдать-ся, отвѣчалъ онъ, Русскому генералъ майору

« Емануелю, командиру на эпошъ разъ только
 « шрехъ офицеровъ и восьми кавалерисшовъ. »
 Надобно было видѣть досаду и опчаяніе Лори-
 стона и всѣхъ Французовъ. Взятые нами плѣн-
 ные приводили въ большее запрудненіе нашего
 генерала, которому надобно было ийти далѣе.
 Узнавъ что Ихъ Величества, Императоръ Рос-
 сійскій и Король Пруссій, находясь со всѣмъ
 своимъ штабомъ на большой Лейпцигской пло-
 щади, онъ представилъ самому Императору
 бывшего Французскаго посла въ Россіи. Послѣ
 торжественнаго приема при Россійскомъ дворѣ,
 шепершнее представленіе должно было бытъ
 горесшно его сердцу. Но Императоръ Александръ,
 своею ласковостью и доброшою облегчилъ ему
 шягосшъ споль несчастнаго положенія. Лейпциг-
 ская побѣда была ознаменована безчисленнымъ
 множесшвомъ профеевъ и вѣрояшно по эшой
 причинѣ наши были едва замѣчены, даже эпошъ
 прекрасный подвигъ долго оспавался неизвѣст-
 нымъ.

Если я рѣшусь издашь когда нибудь эши
 очерки на Французскомъ языкѣ, то для шого
 чшобы сдѣлать извѣстными иносшранцамъ всѣ
 подробности эшого происшесшвія. Французскіе
 писатели всегда превозносятъ до небесъ под-
 виги своихъ соошечесшвенниковъ, и не охотно
 опдають справедливосшъ иноземцамъ, а особ-
 ливо Русскимъ. Въ числѣ эшихъ писателей на-

ходился Французскій генераль Гильомъ — Водонкуръ, который въ своемъ описаніи похода 1812 года, предсавляетъ вездѣ Русскихъ побѣжденными. По его рассказамъ, толпы *варваровъ, татаръ* (*) бѣгутъ при появленіи нѣсколькихъ Французовъ. Изъ его словъ надобно заключить, что истребленіе и изгнаніе Французской арміи въ 1812 году есть послѣдствіе одержанныхъ ею побѣдъ. Не завидная же слава! Но господинъ Водонкуръ подчивалъ насъ баснями, а я его угощаю исторіею. — Корпусный командиръ, Маіоръ, двацать офицеровъ, батальонъ изъ 400 человекъ побѣдоносной Наполеоновой арміи, положили оружіе передъ однимъ генераломъ *варваровъ* съ одиннацатью *татарами*. Войска же эти принадлежали сшоль прославляемой *большой арміи*: и въ эшомъ случаѣ нельзя приписать *морозу* всю славу нашей побѣды.

Преслѣдованіе непріятеля отъ Лейпцига до Франкфурта не предсавляетъ ничего замѣчательнаго: Французская армія была въ совершенномъ разспроиствѣ. Баварцы, соединившіеся въ то время съ нами, готовили своимъ прежнимъ союзникамъ въ Ганау приѣмъ, который долженъ былъ напомнить Березину. Но Наполеонъ прошелъ невредимо, пошому намъ суж-

(*) Такъ онъ насъ называетъ.

дено было завѣщать нашимъ внукамъ еще компанію 1814 года, а мнѣ написать еще претью часть моихъ записокъ.

Франкфуртъ на Майнѣ представилъ въ эту эпоху такое блистательное собраніе монарховъ, принцевъ крови, военныхъ и дипломатическихъ знаменитостей, какъ до тѣхъ поръ нигдѣ не бывало. Казалось, праздновали освобожденіе Германіи. Однажды, прохаживаясь съ генераломъ Емануелемъ по улицамъ города мы встрѣпили Прусскаго Короля. Его Величество, сказавъ нѣсколько словъ генералу, приспально посмошрѣлъ на меня, и удостоилъ спросить, не шомъ ли я офицеръ, котораго онъ видѣлъ въ Ландеккѣ. Услышавъ отъ генерала Емануеля, что я служу подъ его начальствомъ, Король поздравилъ меня съ этимъ. Прусскій фельдмаршалъ Блюхеръ далъ вскорѣ послѣ того великолѣпный праздникъ въ Висбаденѣ, къ которому приглашены были всѣ офицеры его арміи. Стеченіе было слишкомъ велико, чтобы праздникъ этотъ могъ доставить большее удовольствіе. Онъ замѣчашеленъ былъ только по обстоятельствамъ того времени.

Такъ какъ всѣ были увѣрены, что открытые тогда переговоры о мирѣ не будутъ имѣть никакихъ послѣдствій, то переправа Русской арміи черезъ Рейнъ назначена была 1 Января. Въ ожиданіи этого дня мы заняли

квартиры, въ мѣстечкѣ Гохгеймъ, который сообщилъ свое имя знаменитому вину. Такимъ образомъ кончилось второе дѣйствіе этой политической драмы, которой первое происходило въ нѣдрахъ Россіи въ 1812 году. Теперь исполинскими шагами мы приближаемся къ развязкѣ; описаніе прешьяго и послѣдняго дѣйствія этихъ баснословныхъ событій, составившъ предметъ слѣдующей главы.

При видѣ всѣхъ народовъ которые за годъ передъ тѣмъ возславали противъ насъ а нынѣ присоединили свои усилія къ нашимъ для дѣйствія противъ общаго врага, не казалось ли, что мы имъ вразумили смыслъ слѣдующихъ словъ Священнаго писанія:

Съ нами Богъ, разумѣйте языцы,
и покарайшеся яко съ нами Богъ.

Конецъ второй части и 1813 года.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

1814 ГОДЪ.

Si Deus pro nobis, quis contra nos.

Аще Богъ за ны, кто на ны.

Восхищительные берега Рейна, гдѣ мы обитали уже нѣсколько времени, заставили насъ забыть прежнія спраданія: и когда мы сравнивали эту спокойную жизнь среди виноградниковъ и сельскихъ картинъ съ тѣмъ, что мы вынесли за годъ въ родныхъ снѣгахъ въ страшную эпоху испребленія Французской арміи, невозможно не возблагодаришь небо за всѣ милости, копорыя оно излило на насъ, и за то, что мы родились въ вѣкъ, копорый, кромѣ разнообразія дивныхъ происшествій, представлялъ намъ спасительный урокъ, показывающій, что Провидѣніе управляетъ всѣмъ на свѣтѣ, и

что должно благоговѣшь передъ нимъ, хотя пуши его для насъ часто непоспѣжимы.

Мы перешли Рейнъ 4 Января 1814 года, между Кобленцомъ и Майнцомъ, въ Каубъ (Caub) самомъ живописномъ краю, какой только можно себѣ представить. Нашъ отрядъ былъ причисленъ къ корпусу генерала Графа Сен-при, назначенному для блокады Майнца. Такая будущность не очень намъ нравилась; она представляла мало славы и много скуки, между тѣмъ какъ остальная часть арміи шла пожинавъ лавры въ самомъ сердцѣ Франціи. Но на войнѣ ни за что отвѣчать нельзя: сего дня не знаешь, что будешь завтра и событія располагаются иногда такимъ образомъ, что производящъ результаты, совершенно противоположные тѣмъ, которыхъ ожидаешь. Мы перешли Рейнъ въ одно время съ корпусомъ генерала Олсуфьева, который шелъ принять участіе въ событіяхъ, приготавливающихся во Франціи, между тѣмъ какъ мы должны были оставаться почти въ бездѣйствіи, блокируя крѣпость перваго ранга, которую даже не намѣревались осаждать. Отъ этого различнаго положенія происходили, съ одной стороны радость, съ другой сожалѣнія. Отправляющіеся объ насъ жалѣли, а мы имъ завидовали. Но происшествія войны скоро измѣнили наши роли. Этотъ самый генералъ Олсуфьевъ былъ взятъ въ плѣнъ съ цѣлою ди-

визією при Шанпъ-Оберъ (Champ-Aubert) а мы, одни изъ первыхъ приближались къ Парижу, и я, между прочимъ, выдержалъ первые выспрѣлы, раздавшіеся на спѣнахъ его вечеромъ 17 Марша.

Блокада Майнца занимала насъ до конца Января и во все это время не случилось ничего такого, что бы стоило рассказывать: непріятель даже не пытался беспокоить насъ вылазками. Зима была довольно суровая для той страны и по Рейну шло много льду.

Во Франціи, дѣла шли съ переменными успѣхами. Наполеонъ, въ критическомъ своемъ положеніи, истощалъ всѣ средства воинскаго своего генія, чтобы нейтрализовать дѣйствія союзныхъ армій, предводимыхъ Княземъ Шварценбергомъ и Блюхеромъ и, пользуясь искусно нашими ошибками, прервалъ всѣ сообщенія между ними. Чтобы возстановить эти сообщенія, необходимъ былъ отдѣльный корпусъ, который бы содержалъ связь между той и другой. Для этого назначили корпусъ Графа Сен-При, усиленный одною Прусскою дивизією съ артиллерією, подъ командою генерала Ягова.

Въ концѣ Января мы сняли блокаду Майнца и пошли на Нанси, Гуль, Сен-Дизіе, Витри и Шалонъ-арнъ, куда явились около половины Февраля. Въ Сен-Дизіе мы сдѣлали распахъ, чтобы собрать свѣдѣнія о положеніи обѣихъ

армій. Я былъ посланъ въ Монпьеранде (Montiender), чтобы получишь нужныя намъ извѣстія ошъ находившейся тамъ главной кварширы одного Прусскаго корпуса : никогда я не забуду этой поѣздки и спрашнаго приключенія , со мною случившагося. Дорога пролегала чрезъ дремучій лѣсъ, называемый la forêt de Montiender, въ кошоромъ, по народнымъ преданіямъ, водяшся нечислые духи. Мнѣ приказано было спѣшишь : но шакъ какъ я ошправился довольно поздно послѣ обѣда, ночь, черная какъ воронъ, засшала меня въ самой густошѣ лѣса : зги невидашъ ! Дорога впрочемъ казалась ровная, хошя земля была влажная ошъ тающего снѣга, и я скакалъ во весь опоръ, оспавивъ далеко за мною своего казака, кошорый на своей изнуренной клячѣ не могъ поспѣвашъ за моимъ бѣрымъ конемъ. Но вошъ вдругъ моя лошадь на всемъ скаку оспанавилась сама, и споишь какъ вкопаная; прошинувъ голову и упершись на заднія ноги пошла храпѣшь, дрожашь всѣмъ шѣломъ, но шакую ужасною дрожью, что у меня самого морозъ по кожѣ пробѣжалъ. Я ей шпоры, она еще болѣе пашилась, хочу поворошишь, она на дыбы, вижу что дѣло-шо плохо, перекрестился въ ожиданіи шого что будетъ. Въ шакомъ кришическомъ положеніи я провелъ минушы при; не могу изъяснишь какія шогда мысли пробѣжали чрезъ мою голову, но я увѣ-

ренъ былъ, что дорогу мнѣ преграждаетъ медвѣдь или какой нибудь другой звѣрь не лучше эшого, я полагалъ навѣрно достаться ему въ лапы; но вдругъ, могъ ли я того ожидать? лошадь моя пустилась сама собою съ мѣсна маршъ, маршъ!—и я держась обѣими руками за гриву чшобы въ случаѣ внезапной остановки не слезть съ сѣдла, промчался нѣсколько верстъ съ неимовѣрною быспрошою, не думая даже придерживать своего коня; наконецъ онъ самъ укротилъ шагъ, и я благополучно пріѣхалъ къ мѣсту своего назначенія. Казакъ мой часа полтора послѣ того явился, и проѣхалъ благополучно. Я спалъ рассказывать свое приключеніе, но никто не могъ мнѣ располковать причины шакого внезапнаго спраха, овладѣвшаго моимъ конемъ. Надобно полагать, что какой нибудь свирѣпый звѣрь скинулся вблизи и надѣлалъ эшу тревогу.

Получивъ отъ Пруссаковъ всѣ нужныя свѣдѣнія о положеніи нашихъ армій, я возвратился на другой день въ Сень-Дизіе (Saint-Dizier) и мы выступили вслѣдъ за нѣмъ въ походъ. По положенію союзныхъ армій, намъ необходимо было овладѣть городомъ Реймсомъ, копорый не задолго передъ нѣмъ былъ занятъ Французскимъ Гарнизономъ. Остановившись въ Шалонѣ для отдыха, мы воспользовались эшимъ, чшобы посѣтить тамошній театръ, и видѣли

представленіе комедіи *Le sourd ou l'auberge pleine*; играна она была не дурно. Въ военное время не всегда удается посѣщать театры, какъ не воспользоваться такимъ случаемъ, что бы забыть, хоть на время спектакля, что мы сами грозные актеры съ мечемъ въ рукахъ, и что Франція нашъ театръ? Нашъ Авангардъ, подъ командою генерала Емануеля, первый выступилъ изъ Шалона по дорогѣ къ Реймсу, и мы доспигли чрезъ нѣсколько дней деревню Силлери (Sillery) знамениую по своему Шампанскому вину, и отстоящую на 8 верстѣ отъ Реймса.

Главная квартира Графа Сен-При расположилась въ Силлери впредъ до занятія Реймса. Мы начинали замѣчать непріязненное расположеніе въ жишеляхъ той страны, и вооруженные мужики не разъ уже нападали на офицеровъ, отправленныхъ съ приказаніями. Между прочимъ, офицеръ главнаго штаба Князь А. М. Голицынъ, состоящій въ то время при Графѣ Сен-При, былъ спасенъ только приближеніемъ нашего авангарда, изъ весьма затруднительнаго положенія.

На другой день, по прибытіи нашемъ въ Силлери 21 Февраля с. сп., положено было произвести сильную рекогносцировку къ Реймсу. Между тѣмъ Графъ Сен-При хотѣлъ прибѣгнуть къ силѣ не иначе, какъ истощивъ всѣ миролюбивыя средства. чтобы избавить городъ отъ

всегда пагубныхъ слѣдствій приступа. Выступивъ рано утромъ, мы часа черезъ два были подъ стѣнами этого города, прославившагося тѣмъ, что въ немъ всегда короновались Французскіе Короли. Ничто не предвѣщало намъ упорнаго сопротивленія, мы подошли уже почти къ самымъ стѣнамъ города, не встрѣшивъ никого, съ кѣмъ бы поговорить; пушки на укрѣпленіяхъ молчали. Графъ Сен-При приказалъ расположить Прусскую башарею на пригоркѣ, на малый пушечный выстрѣлъ отъ города, и разбилъ подлѣ нея свою палатку. Тутъ онъ сочинилъ прокламацію къ Реймскимъ начальствамъ; въ которой приглашалъ ихъ не дѣлать сопротивленія, чтобы не навлечь на городъ ужасовъ приступа, котораго послѣдствія падутъ на ихъ отвѣтственность. Генералъ Емануель и я были въ это время въ палаткѣ Графа, и тотъ отправилъ ему прокламацію, чтобы тотчасъ отправилъ съ парламентомъ; это порученіе дали мнѣ, а оно было довольно затруднительно, потому что, по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, генералъ Корбино, командовавшій въ Реймсѣ, зная всю важность вѣреннаго ему пункта, рѣшился не принимать ни какихъ предложеній. Чтобы быть увѣреннымъ, что прокламація дойдетъ куда слѣдуетъ, еслибъ меня и не приняли, я взялъ съ собою одного Француза изъ ближайшей деревни, который долженъ былъ отнести

ее въ городъ вслучаѣ , если бы мнѣ не удалось доспавить самому. Такимъ образомъ , предшесвуемый прубачемъ , и видя за собою моего Французскаго мужика , я опправился въ пущь , и спускаясь къ пошернѣ увидѣлъ на спѣнахъ крѣпости множесво людей всякаго званія , копорые говорили и кричали всѣ вмѣстѣ , шакъ что я не могъ разобрать ни слова во всемъ эпомъ шумѣ. Трубачъ мой надрывался , подавая парламеншерные сигналы , а я махаль надъ головою своею бумагою , чтобы показашъ въ чемъ дѣло ; но это не помогало. Я уже не зналъ что мнѣ дѣлать , какъ вдругъ раздался , посерединѣ эшого шума голосъ , копорый , кричалъ мнѣ — « удалишесь , не то по васъ будущъ спрѣляшъ. » Мнѣ не хошѣлось однакожъ успушишъ эшой угрозѣ и не исполнишъ своего порученія ; я нагнулся чтобы опдашъ мою бумагу мужику меня провожающему , и показаль ему знакомъ чтобы онъ снесъ ее къ людямъ , споящимъ на спѣнахъ ; но какъ скоро эшо движеніе было замѣчено съ укрѣплений , огонь мелькнулъ изъ пушки , споявшей прямо прошивъ меня , и ядро пролешѣло надъ моею головою. При эпомъ сигналѣ , началась всеобщая канонада , и не прошло четверти часа , какъ у командовавшаго Прускою башареею капитана , опорвало ногу. Графъ Сен-При , послѣ эшой тщешной попышки , показавшей непреклонное намѣреніе не-

пріятеля , рѣшился возвратиться въ Силлери , чтобы поспѣшнѣе дальнѣйшія дѣйствія . Прежде всего надобно было обозрѣть всѣ окрестныя мѣста , чтобы увѣриться , что намъ не придется сражаться съ другими непріятелями кромѣ пѣхоты , которые находились въ Реймсѣ : для этого , мнѣ съ сотнею казаковъ и драгунъ поручено было произвести рекогносцировку по направленію къ городамъ Фимъ (Fismes) и Соассонъ , (Soissons) , но я не встрѣтилъ никого , кромѣ вооруженныхъ крестьянъ , которыхъ принужденъ былъ усмирить силою . Паршіи , посланныя въ другія стороны , также нигдѣ не встрѣчали непріятеля . Такимъ образомъ казалось что мы будемъ имѣть дѣло только съ однимъ Реймскимъ гарнизономъ , который , не смотря на свою рѣшительность , не могъ быть многочисленъ ; однакожъ , чтобы обозначить слабую сторону крѣпости , мы еще четыре дни сряду производили сильныя рекогносцировки , которыя не обходились безъ стычекъ , потому что непріятель всякій разъ высылалъ часть своего гарнизона къ намъ на встрѣчу , и дѣйствовалъ изъ крѣпости своей артиллеріею . Наконецъ , положено было взять Реймсъ приступомъ 28 Февраля , на разсвѣтѣ . Пруссакъ должны были сдѣлать фальшивую атаку на Суассонскія ворота , и такимъ образомъ , во время сраженія , они были бы отдѣлены отъ насъ рѣкою Велею

(la Vesle), пекущею по направленію ошъ Силлери къ Реймсу, и обходящую городъ. Генераль Емануель долженъ былъ обойти крѣпость и стараться проникнуть въ нее чрезъ ворота Берриобакскія, (Bergy-au-bac), представляющія самую слабую сторону. Графъ Сен-При съ главными силами хотѣлъ дѣйствовать на другихъ пунктахъ, смотря по обстоятельству. Положено было выступить изъ Силлери ровно въ полночь, и соразмѣрять маршъ такимъ образомъ, чтобы быть въ состояніи начать атаку на самомъ разсвѣтѣ; а чтобы не возбудить вниманія дурно расположенныхъ къ намъ жителей, велѣно было идти съ правой стороны дороги полями для занятія назначенныхъ по диспозиціи мѣстъ. Такъ какъ Авангардъ нашъ уже цѣлую недѣлю расхаживалъ во всѣхъ направленіяхъ по странѣ, лежащей между Силлери и Реймсомъ, и эти мѣста были мнѣ совершенно извѣстны, то генераль Емануель поручилъ мнѣ вести первую колонну, за которою должны были слѣдовать всѣ другія. Ночь была темна такъ что въ двухъ шагахъ ничего не видно; но какъ на этомъ походѣ очень не трудно было слѣдовать по данному направленію, то я не опасался заблудить колонну. Съ часъ уже были мы на маршѣ, и все шло какъ не лъзя лучше; вдругъ корпусный кварширмейстеръ, капитанъ М..., подѣхалъ ко мнѣ и просилъ, чтобы я

уступилъ ему обязанность вести колонну. Я дѣйствительно исполнялъ его должность, и потому мнѣ странно было бы оспаривать ее у него; я возвратился къ генералу, и сказалъ ему, что капитанъ М..., пожелалъ самъ вести колонну. Вскорѣ я замѣчаю что насъ ведутъ вправо, а это необходимо удаляло насъ отъ настоящаго направленія; я сообщилъ мое замѣчаніе капитану М..., но онъ увѣренъ былъ, что мы слѣдуемъ по настоящему пути. Между тѣмъ, черезъ нѣсколько времени мы опять принимаемъ косвенное движеніе, потомъ еще разъ, и третій разъ, и наконецъ дѣлаемъ сколько изворотовъ, что я самъ не могъ уже распознать гдѣ мы. Колонна остановилась и капитанъ М..., казалось не зналъ, какое направленіе слѣдовало принять. Никто не могъ бы навести его на настоящій путь, потому что со всѣми маршами и контрмаршами, которые мы при часа дѣлали, невозможно было распознать мѣста въ такой шестности; въ этой нерѣшимости, оставалось только идти на удачу впередъ. Вскорѣ мы вышли на какую-то большую дорогу; — опять новое затрудненіе, потому что на нашемъ пути не было ни какой большой дороги. Какая жъ она могла быть? Допустить можно было только одно предположеніе, именно: что мы прошли уже мимо Реймса и находимся на одной изъ дорогъ, ведущихъ изъ этого города въ Ретель

(Rethée) или Берри-о-бакъ, (Berry-au-bac): въ такомъ случаѣ надобно было принявъ вѣво, чпобы приблизиться къ Реймсу, и это было общее мнѣніе; но едва только сдѣлали мы нѣсколько сотъ шаговъ въ этомъ направленіи, какъ вдругъ вспрѣпились лицомъ къ лицу съ опрядомъ, который шелъ прямо на насъ. Велико было наше удивленіе, и даже ужасъ; пошому чшо кшо можешь предвидѣть слѣдствія ночнаго сраженія посреди глубочайшей тьмы? Надобно было предполагать, чшо это непріашель, чшо за ранѣ предувѣдомленный о нашей ашпакѣ, онъ спѣшишь очистишь городъ, дабы избавишь его опъ бѣдствій приступа. Предположеніе наше было еще шѣмъ подшверждено, чшо въ прошивоположныхъ рядахъ раздались крики: «Москаль.» Уже орудія наши сняты съ передковъ, заряжены карпечью и направлены; въ такомъ положеніи каждая минута дорога, пошому чшо превосходство оспашеся обыкновенно на споронѣ шого, кшо первый началъ ашпаку. Уже орудія готовились извергнушь смерть; еще минута, и карпечь вылетѣла бы изъ пушекъ какъ вдругъ, со спороны предполагаемаго непріашеля, слышался голосъ нашего корпуснаго командира, графа Сен-При, который прискакалъ къ намъ, чпобы узнать, чшо все это значишь. Дѣло въ томъ, что проводивъ насъ часа чешыре по полямъ, капишанъ М...

повелъ насъ назадъ по дорогѣ, ведущей изъ Реймса въ Силлери, гдѣ мы и встрѣпились съ графомъ Сен-При, который выступая опшуда подвигался съ резервомъ къ Реймсу, чтобы на разсвѣтѣ принявъ начальство надъ всѣми своими войсками, которыми уже давно слѣдовало быть на мѣстахъ. Еще минуша, и наша карпечъ поразила бы нашего корпуснаго командира: я и теперь не могу безъ ужаса подумать о томъ, что едва-едва не случилось. Не было никакихъ средствъ вознаграждать потерянныя часы, потому что не представлялось даже возможности поспѣть на мѣсто ко времени, назначенному для произведенія общей атаки. При томъ Пруссаки шли по другому пути, и какъ они были опъ насъ опдѣлены рѣкою, то нельзя было ихъ предупредить во время, и они начали бы свою фальшивую атаку прежде нашего прибытія, что необходимо разстроило бы всѣ наши планы. Намъ оставалось только идти какъ можно скорѣе впередъ, хотя день уже занимался, потому что несчастная эта прогулка продолжалась всю ночь, и набашъ, который мы слышали издали, показывалъ намъ что Пруссаковъ увидѣли. Вскорѣ раздались пушечные выстрѣлы, и мы уже не могли болѣе сомнѣваться, что со стороны Пруссаковъ завязалось жаркое дѣло. Генераль Емануель тотчасъ пошелъ съ кавалеріею впередъ на рысяхъ, и мы поспѣшно

обогнувъ городъ, выступили на долину по которой идеть дорога, ведущая въ Берри-о-бакъ, въ ту самую минушу, какъ непріятельскій батальонъ, состоящій изъ какихъ нибудь пѣхоты челоѣкъ, выходилъ изъ города съ такимъ же числомъ кавалеріи. Этого батальонъ держался превосходно, и ни одинъ изъ нашихъ семи эскадроновъ не могъ разспроить его, не смотря на многія поочередныя атаки; артиллерія наша была еще далеко назади, и такимъ образомъ батальонъ ушелъ отъ насъ; но за то мы ударили на каваллерію, загнали ее въ Велю и совершенно истребили. Между тѣмъ Пруссаки, производя фальшивую атаку, овладѣли городомъ, и это счастливое происшествіе вполне вознаградило насъ за непріятности прошедшей ночи.

Взятіемъ этого важнаго пункта, порученіе, данное графу Сен-При, было исполнено, пошому что разославъ въ разныя стороны отдѣльныя отряды, мы могли содержать сообщеніе между обѣими арміями. Графъ Сен-При рѣшился остаться въ Реймсѣ, и расположилъ войска по квартирамъ, такъ онъ былъ увѣренъ, что нападенія ожидать не откуда. На другой день 29 Марша, назначено было послужить благодарственный молебенъ за одержанную наканунѣ побѣду. Но въ этотъ же день, въ одиннадцатъ часовъ утра, потчасъ послѣ божественной службы, мы съ

величайшимъ изумленіемъ услышали у ворошъ Реймса пушечные выстрѣлы; весь штабъ былъ въ минушѣ на коняхъ, чѣмбы посмопрѣть, чѣмъ значахъ выстрѣлы въ такомъ близкомъ разстояніи отъ насъ. Прискакавъ къ Соассонскимъ ворошамъ, мы услышали что непріятельскій отрядъ въ нѣсколько эскадроновъ, съ двумя пушками, производя рекогносцировку, подошелъ къ самымъ ворошамъ, увидѣлъ нашу пѣхоту, бросилъ нѣсколько ядеръ, и поспѣшно отступилъ. Плѣнный, взятый нашими фланкѣрами, объявилъ, что передъ нами самъ Наполеонъ. Все предвѣщало однакожь, что день не пройдетъ безъ какого нибудь важнаго происшествія и дѣйствительно въ 4 часа по полудни, мы вдругъ видимъ, что изъ-за холма, скрывавшаго отъ насъ настоящія силы непріятели, выступаютъ огромныя массы кавалеріи и передъ ними идетъ многочисленная артиллерія, которая поспѣшно направляетъ противъ насъ свои пушки, и на этомъ шѣсномъ пространствѣ начинается ужаснѣйшая канонада. Реймсъ былъ живо защищаемъ, и особенно у моста на Велъ происходила жестокая сшибка, гдѣ нашихъ было одинъ противъ десяти,—кровавѣ этой сѣчи нельзя себѣ представить. Въ самомъ пылу боя, корпусный командиръ нашъ получилъ смертельную рану въ плечо и принужденъ былъ оставить команду въ такое время, когда при-

существо его было всего нужнее; но искусныя распоряженія генерала Емануеля, который поспѣхъ принялъ команду, и счастливая диверсія, произведенная въ пылу непріятеля Рязанскимъ пѣхотнымъ полкомъ, подъ командою храбраго полковника Скобелева, поправили наше положеніе, и мы всю ночь удерживали за собою Реймсъ, хотя имѣли дѣло съ самимъ Наполеономъ и съ силами, несравненно превосходящими наши.

На другой день, мы не будучи преслѣдуемы, отступили въ направленіи къ Берри-о-бакъ и примкнули къ арміи фельдмаршала Блюхера, который въ то время занималъ Ланъ, (Laon).

Графъ Сен-При былъ такъ же поспѣхоньку перевезенъ шуда, и недѣли черезъ двѣ скончался; но передъ смертію онъ имѣлъ удовольствіе видѣть что заслуги его признаны и награждены; Государь Императоръ пожаловалъ ему за взятіе Реймса орденъ св. Георгія второй степени.

Но крашковременные успѣхи, которые Наполеонъ одерживалъ впечатеніи этой кампаніи, только воздымали его гордость и внушали ему новыя требованія на конгрессѣ, происходившемъ въ то время въ Шампильонѣ. Такимъ образомъ всѣ эти частныя успѣхи обращались къ его пагубѣ, и даже взятіе Реймса, открывъ ему путь, по которому онъ пошелъ черезъ

Витри на Сентъ-Дизіе, въ надеждѣ спастъ на линіи нашихъ сообщеній, и между шѣмъ только открылъ намъ дорогу въ Парижъ, послужило къ его гибели.

Въ Ланѣ положено было, чтобы генераль Емануель снова принялъ начальство надъ авангардомъ корпуса Графа Ланжерона, и шамъ мы получили извѣстіе, что Императоръ Александръ рѣшился идти прямо на Парижъ какъ скоро убѣдился, что Наполеонъ вознамѣрился ушвердиться въ тылу нашихъ армій.

Изъ Лана мы пошли по самой прямой дорогѣ къ Эперне, чтобы доспичъ большой Парижской дороги, кошорая пролегаетъ черезъ Шапо-Тьерри (Château-Thierry) и Мо, (Meaux). Мнѣ поручено было обозрѣвать страну и открывать непріятеля съ шеспидесятью казаками и сорока драгунами; такимъ образомъ я промчалъ дорогу нашему опяду до самаго Дормана, (Dormans) нигдѣ не встрѣчая непріятеля; на пуши мы овладѣли городомъ Эперне (Epernay) знаменитымъ по своему шампанскому вину, и воины въ Русскихъ мундирахъ въ первый разъ посѣпили шамошніе погреба; многочисленные любители эшого опраднаго вина съ наслажде-ніемъ пили за успѣхи нашего оружія. Продолжая идти впередъ и не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, мы пришли 14 Марта въ Этожъ, (Etoges); здѣсь генераль Емануель получилъ

приказаніе взять съ собою ропу Піонеровъ, два пѣхотныхъ полка, Архангелогородскій и Староингермонландской, Кіевскій драгунскій полкъ, Казачій полкъ, 24 орудія и отправиться съ эшимъ опрядомъ въ Трильпортъ, (Trilport) близъ Мо, чшобы тамъ навеспи мостъ на рѣкѣ Марнѣ; (la Marne). Бригада Прусской пѣхоты, подъ командою генерала Горна (Horn), должна была прійти по другой дорогѣ шуда же, чшобы въ случаѣ нужды подкрѣпить насъ. Это порученіе было весьма важно и его слѣдовало исполнишь съ величайшею быспрошою; переходъ былъ великъ, и генераль Емануель высупилъ въ шу же ночь. Чшобы прикрышь лѣвый свой флангъ, онъ опрядилъ меня съ моею паршіею кавалерисповъ къ Ребе (Rebais) для обозрѣнія всей страны, лежащей между эшимъ мѣстечкомъ и Трильпоромъ, гдѣ я долженъ былъ присоединишь къ нему; въ Ребе я узналъ послѣдствія побѣды, одержанной Россійскою Гвардіею при Феръ-Шампенуазѣ (Fère-Champenoise), и поспѣшилъ донести объ эшомъ генералу. Я продолжалъ свой пущъ спокойно; жители деревень скрывались при появленіи моихъ казаковъ, впрочемъ были смирны, и не пыпались сопровивляшь, какъ шо случилось въ окрестностяхъ Реймса. Дойдя до Трильпора, я увидѣлъ чшо мостъ уже наведенъ, не смошра

на сопротивленіе непріятеля, и что часть нашихъ войскъ была уже на томъ берегу Марны.

На походъ отъ Эпожа къ Трильпору, генераль Емануель, производя рекогносцировку на Ла-ферше-сужуаръ (La Ferté Sous-Jouarre) лежащемъ на Марнѣ, нашелъ тамъ непріятеля въ большихъ силахъ: онъ расчислилъ что пользуясь извилинами рѣки, можно предупредить въ Трильпорѣ эши войска, и оставилъ тамъ небольшой отрядъ, чтобы занять непріятеля фальшивою демонстраціею, а самъ пошелъ форсированнымъ маршемъ, дабы достигнуть мѣста, назначеннаго для наведенія моста. Прибывъ въ Трильпоръ, онъ увидѣлъ, что бригада генерала Венгана съ орудіями защищаетъ переправу. Устроены башарей, и войска наши приступили къ наведенію моста, который не смотря на картечные выстрѣлы непріятеля, былъ окончанъ съ такою быстротою, что произвелъ изумленіе въ Прусской бригадѣ, подоспѣвшей какъ бы нарочно для того, чтобы быть свидѣтельницею подвига. Пока мостъ строился, батальонъ Архангелогородскаго полка переправился черезъ рѣку на судахъ, случайно найденныхъ въ Трильпорѣ; онъ былъ встрѣченъ картечью, но Русскій штыкъ опрокинулъ все, что ему пришлось. Вслѣдъ за тѣмъ, по окончаніи моста, наша пѣхота и Прусская бригада перешли его поспѣшнымъ шагомъ и продолжали гнать непріятеля

къ Мо. Въ то время я съ небольшимъ моимъ отрядомъ прибылъ въ Трильпортъ, и также успѣшилъ переправиться на другой берегъ. Я вскорѣ обогналъ нашу пѣхоту, и встрѣтивъ парцію непріятельской кавалеріи преслѣдовалъ ее до самыхъ вѣроу Мо; на возвращеніи пути я очутился въ пылу Французской пѣхоты, и какъ было уже довольно поздно, то я воспользовался эшимъ, и пронесся по интерваламъ непріятельскихъ баталіоновъ, испуская побѣдные крики, которые изумили непріятели неожиданнымъ появленіемъ кавалеріи по среди рядовъ его, но все это было произведено такъ быстро, что, когда Французская пѣхота вздумала сдѣлать по насъ нѣсколько выстрѣловъ, я былъ уже далеко и присоединился съ своими наѣзниками къ генералу.

Быстрое и удачное наведеніе моста на Марнѣ было чрезвычайно важно для послѣдующихъ происшествій, пошому что на другой же день Силезская армія фельдмаршала Блюхера переправилась по немъ, чтобы идти на Парижъ, а извѣстно какъ важна была въ это время каждая минута, пошому что Наполеонъ едва не подоспѣлъ для обороны Парижа. И кто знаетъ, чтобы тогда случилось? Мы провели ночь съ 15 на 16 число въ виду Мо, и другой тревоги не было кромѣ той, которую произвелъ взрывъ

порохового магазейна , зажженного непріа-
шелемъ.

Марша 16 мы продолжали идти къ Парижу ,
отъ котораго находились въ 48 верстахъ ; я
по прежнему открывалъ маршъ съ сошною ка-
валерисповъ, дѣлая разѣзды вправо и влѣво, и
нигдѣ не встрѣчалъ непріашеля. На другой день
приказано было продолжати походъ, но не пред-
принимати непріязненныхъ дѣйствій до двухъ
часовъ по полудни. Надобно думать, что тогда
ожидали предложеній о сдачѣ Парижа и спара-
лись доказать, что желаюти избѣжати крово-
пролитія. Къ несчастію, въ тотъ же день, ког-
да я проходилъ съ своею партіею черезъ одну
деревню, на насъ спали стрѣляти изъ-за плешней
и заборовъ , и убили у меня нѣсколько каза-
ковъ: это заставило меня отражати силу си-
лою и стоило жизни нѣкошорымъ изъ этихъ
заблужденныхъ поселянъ. Генераль Іоркъ, про-
ходившій тушъ въ тотъ же вечеръ, замѣпилъ
слѣды недавной спычки и приказалъ разыскати,
кто осмѣлился преснупити приказаніе — не пред-
принимати до двухъ часовъ никакихъ непріяз-
ненныхъ дѣйствій; но когда узнали, какъ это
произошло, оказалось что я не могъ поступити
иначе.

Дорогою я получилъ приказаніе спарашься
проникнути въ мѣспечко Гонессъ (Gonesse)
лежащее въ 8 верстахъ отъ Парижа, нѣсколь-

ко вправо отъ большой дороги, и объявишь мѣстному начальству, что вечеромъ того же дня корпусъ генерала Тюрка расположится на бивуакахъ въ окрестностяхъ этого мѣстечка и чтобы жители приготовили съѣстныхъ припасовъ, дровъ и соломъ на 40,000 человекъ. — Я отправился въ Гонессъ который, какъ говорятъ, славится просвѣщеніемъ своихъ жителей и лежитъ въ углубленіи не подалеку отъ большой дороги. Я оставилъ офицера съ половиною моего отряда въ наблюдательномъ положеніи, а остальную половину взялъ съ собою. Издали можно было видѣть какъ я спускался по горѣ съ небольшимъ своимъ отрядомъ, и это зрѣлище, столь новое для жителей, привлекло ко мнѣ на встрѣчу почти все народоселеніе мѣстечка такъ, что я вступилъ шута посреди двухъ рядовъ звѣвъ. Между тѣмъ, замѣчая на лицахъ болѣе безпокойства чѣмъ любопытства, я обратился къ этой толпѣ, просилъ указать мнѣ гдѣ я могу найти Мера, и прибавилъ, что мнѣ вѣрно предвѣдомишь мѣстныя начальства, что вечеромъ того же дня Прусскій корпусъ расположится близъ мѣстечка на бивуакахъ; что надобно приготовить для него съѣстныхъ припасовъ, что Императоръ Россійскій, всемилостивѣйшій Государь мой, запретилъ подъ строжайшими наказаніями, чтобы солдаты входилъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, въ

жилища и требовалъ чего бы то нибыло , что мы приносимъ имъ миръ и что по всей вѣроятности союзныя арміи завтра уже вступятъ въ Парижъ. Эта рѣчь, столь новая и почти непоспѣвшая для большой части моихъ слушателей, навлекла на меня цѣлый градъ вопросовъ, на которые я отвѣчалъ какъ можно короче , и какъ мнѣ времени терять было нельзя то просилъ проводить меня въ муниципалитетъ. Я нашелъ тамъ Мера и помощниковъ его , и объявилъ имъ чего ошъ нихъ пребуютъ , не забывъ прибавить , что право собственности будетъ свято уважаемо. Они , казалось , были весьма расположены угождать намъ, и обѣщали исполнить все , чего ошъ нихъ попребуютъ. При прощаніи эти добрые люди просили меня вписать мое имя въ муниципальную книгу , и удивленіе ихъ было истинно забавно, когда они узнали, что я не Французъ, не сынъ какого нибудь эмигранта , и что *казакъ* можешь свободно объясняшься на ихъ языкѣ. По исполненіи, такимъ образомъ даннаго мнѣ порученія я былъ провожаемъ , можно сказать , съ шоржествомъ. Жители Гонесса показались мнѣ очень добрыми людьми, и по этому то, можешь бышь, Парижане прославили ихъ проспаками. Признаюсь что послѣ явленій, происходившихъ ушромъ, я думалъ, что найду въ Гонессѣ по крайней мѣрѣ баррикады на улицахъ; я даже ошдалъ сообразныя съ эшимъ приказанія и той части

ошряда, кошорая была со мною, и шой, кошорая осшавалась на шоссе и должна была, при первомъ выспрѣлѣ, кошорый услышипѣ, показаться на горѣ, чшобы усшрашипѣ жипелей видомъ неожиданнаго подкрѣпленія. Но къ счастію все происходило какъ нельзя лучше (*). Я присоединился къ офицеру, мною осшавленному на шоссе, и вскорѣ Парижъ разосшлался передъ нами. Въ шомъ мѣспѣ гдѣ дороги изъ Соассона и Мо сходяпся, казаки мои осшановили дилижансъ, ѣхавшій въ Парижъ. Зная склонносшъ ихъ къ добычѣ, я далъ лошади шпоры и прискакалъ къ дилижансу въ самое время, чшобы успокоишъ нѣскольکو пушешесшвенницъ, кошорыя расплакались и перепугались при неожиданномъ появленіи моихъ казаковъ. Я спалъ ушѣшапѣ ихъ по-Французски, велѣлъ ихъ пропустишъ, и онѣ осыпали меня благословеніями: всѣ эши пушешесшвенники совершенно не знали, чшо мы были шакъ близко и чшо союзныя арміи прыближались уже къ Парижу и готовились вступишъ шуда. Я просилъ ихъ со-

(*) Находясь въ 1822 году въ Парижѣ, я изъ любопытства посѣпилъ Гонессъ, и нашелъ тамъ шого же самаго мера кошорый меня вспрѣчалъ въ 1814 году. Онъ и при Наполеонѣ былъ въ душѣ приверженцемъ Бурбоновъ, и потому не трудно было ему сохрапшъ свое мѣспо при перемѣнѣ правленія.

общимъ эту добрую вѣсть Парижанамъ. Мужчины, бывшіе въ дилижансѣ, отдали мнѣ свои карточки, и предлагали мнѣ свои услуги въ Парижѣ, убѣждая меня посѣпить ихъ, чшобы они могли изъяснить мнѣ свою признательность. Дилижансѣ отправился, и успѣшныя мои Парижанки изъясняли мнѣ свою признательность махая издали плашками въ знакъ радости; кошорая заспушила мѣсто ужаса; но вскорѣ я перешелъ къ другой сцѣнѣ. Приближеніе моихъ кавалеристовъ заспавило нѣсколько заспрѣльщиковъ выйши неоспорочно въ поле: казаки мои опрѣзали имъ опспупленіе и взяли ихъ въ плѣнъ. Въ это самое время Императоръ Александръ приближался съ большою арміею къ Парижу по Бондійской дорогѣ и, не ожидая видѣть такъ рано войска наши съ шой спороны опкуда мы шли, прислалъ спросить къ какому корпусу мы принадлежимъ. Его Величество еще не зналъ объ удачномъ переходѣ черезъ Марну. Между шѣмъ генералъ Емануель явился со всѣмъ авангардомъ и весьма кспаша произвелъ счастливую диверсію, ашпаковавъ флангъ войска, съ кошорымъ большая армія должна была сражаться. Императоръ Александръ, бывъ свидѣтелемъ этого дѣйствія, прислалъ объявить нашему генералу свое благоволеніе. Ночь съ 17 на 18 Марша мы провели близъ деревни Обервилъе (Aubervilliers) ввиду Па-

рижа, и всю эту ночь я не могъ сомкнуть глазъ, хотя имѣлъ большую нужду въ покоѣ. Трудно было увѣришься, что видѣлось все это на яву, что мы находимся у самыхъ воротъ Парижа—Парижа, котораго одно имя уже такъ много говоришь—что послѣ лагерной жизни, исполненной опасностей, превогъ и лишеній, мы погрузимся во всѣ наслажденія новаго Вавилона; но, вдругъ мнѣ приходило въ голову, что Французы подходя къ Москвѣ, льстили себя тѣми же надеждами, и мечны мои смѣнились заботами. Но я говорилъ самъ себѣ: «Французы не Русскіе; они не способны пожертвовать «своею столицей, которая для нихъ важнѣе «всего: да и мы не Французы, чтобы хотѣть «поработить Францію, какъ они хотѣли поработить нашу опчизну.» Эти различныя размышленія всю ночь не давали мнѣ уснуть; на другой день, рано утромъ, всѣ были въ самыхъ блестящихъ мундирахъ, воображая, что ворота Парижа поспѣетъ отвориться и намъ останется только вступить туда церемониальнымъ маршемъ. Но завоеваніе столицы Франціи не должно было совершиться безъ послѣдняго жертвованія со стороны союзниковъ.

18 Марша на разсвѣтѣ мы пошли къ Монмартру и пѣхота наша завязала перестрѣлку съ войсками, которыя занимали Ла-Виллетъ (La Villette), и защищали окрестности Парижа. Съ

Монмаршра безпресшанно сыпались на насъ ядра; на лѣвомъ флангѣ, гдѣ находилась Императорская главная кваршира, происходила упорная и кровопролитная борьба, особенно на холмѣ Шомонскомъ, (*butte Chaumont*); но всѣ высоты съ этой стороны часа въ два по полудни, были взяты. Монмаршръ еще держался, и по своему положенію казалось, долженъ былъ стоить большихъ пожертвованій. Въ при часа Графъ Ланжеронъ получилъ повелѣніе Государя Императора овладѣть этою высотой, во что бы то ни стало, и отправилъ генерала Емануеля съ 2000 кавалеріи въ Нелли (*Neuilly*) чтобы обойти Парижъ и дѣйствовать отъ засады *de l'Etoile*, ведущей въ Елисейскія Поля. Надобно было опасаться, что Монмаршръ, съ котораго огонь не прекращался цѣлое утро, окажетъ упорное сопротивленіе, что было бы весьма легко, по причинѣ высоты, каменны, и множества плешей и заборовъ, которыми испещренъ во всѣхъ направленіяхъ хребетъ его. Генераль Рудзевичъ, которому поручено было овладѣть этою высотой, устроивъ свои колонны къ атакѣ, просился съ нами какъ человекъ, идущій на вѣрную смерть. Но къ величайшему нашему удивленію, непріятель сдѣлалъ только нѣсколько залповъ изъ своей артиллеріи, и войска наши овладѣли Монмаршромъ такъ скоро, какъ можно было войти на гору.

Съ шой минушы Парижъ былъ уже нашъ. Между шѣмъ, еще до успѣха эшой ашпаки, мы ошправились исполнить данное намъ порученіе, и я по прежнему, шелъ впереди съ моими всадниками. Когда мы дошли до аллеи, ведущей въ Нёлы, вокругъ ушей моихъ засвиспали пули: нѣсколько человѣкъ спрѣляли изъ-за баррикады на мосту, кошорымъ оканчивается эша аллея. Такъ какъ не большое число засѣвшихъ за баррикадою солдатъ, могло бы безпокоить насъ своими выпрѣлами, я велѣлъ моимъ драгунамъ шѣшиться, и они быспрою ашпакою опрокинули баррикаду, разогнавъ человѣкъ придцать, кошорые ее защищали: они были ошставные солдаты Императорской гвардіи жившіе въ Нёлы. При эшой сшибкѣ у меня былъ раненъ офицеръ и нѣсколько солдатъ вы- было изъ фронта. Въ эшо время прибылъ генераль Емануель съ своимъ опрядомъ, и направивъ пушки прошивъ войскъ, защищавшихъ заставу de l'Etoile, засыпалъ ихъ ядрами. Вскорѣ съ эшой спороны появился Парламеншеръ и сказалъ намъ, что капитуляція Парижа уже подписана. И дѣйспвительно мы вслѣдъ за шѣмъ, получили официальное о шомъ извѣстіе. Тогда было шесть часовъ вечера. Такимъ образомъ мы провели ночь съ 18 на 19 Марша въ Нёлы, исполненные энпузіазма, кошорое необходимо

должно было возбуждать въ насъ такое завоеваніе.

На другой день 19 го Марша, мы заняли Булонь, (Boulogne), пройдя сначала черезъ лѣсъ того же имени, который совсѣмъ не соотвѣтствовалъ моимъ ожиданіямъ. Мы нигдѣ не встрѣчали сопротивленія, и хотя насъ увѣряли, что подъ Сень Клудскимъ (S-Cloud) мостомъ устроена мина, однако мы перешли его благополучно и успѣли осмотрѣть великолѣпный тамошній дворецъ, который еще не успѣли запереть. Найдя флигель Маріи-Луизы еще открытымъ, мы не упустили этого случая поиграть на этомъ инструментахъ, привыкшемъ издавать звуки подъ нѣжными пальцами Императрицы Французовъ; теперь жилища, почернѣвшія отъ пороку, руки воиновъ, прибывшихъ изъ нѣдръ Россіи сквозь тысячи опасностей и сраженій, оглашали удивленные свѣты замка звуками гимна *god save the king* въ честь нашего великодушнаго и обожаемаго Монарха. О какія эти были восхищительныя минуты для Русскаго сердца! онѣ вполне вознаграждали насъ за всѣ опасности и лишенія, черезъ которыя надобно было пройти, чтобы доспичь до такого дивнаго событія. Въ тотъ же день союзные Монархи торжественно вступили въ Парижъ въ головѣ Русскихъ колоннъ.

На слѣдующій день, 20 Марша, я получилъ

позволеніе съѣздити въ Парижъ, котораго еще
 никогда не видалъ. Тѣмъ, копорые спросили бы
 меня, что мнѣ казалось всего удивительнѣе, я
 бы еще съ большимъ основаніемъ чѣмъ Вене-
 ціанской Дождь могъ отвѣчать — «то, что я
 здѣсь,» разумѣется, побѣдителемъ и дѣйстви-
 тельно, видъ всѣхъ эпихъ Калмыковъ и Баш-
 кирцевъ, копорые бродили по улицамъ щеголе-
 ваваго Парижа, составляя совершенную про-
 тивоположность съ лицами и костюмомъ Па-
 рижанъ, сполъ, по своей странности, появле-
 нія гордаго Дожа при дворѣ Французскомъ. Я
 посѣтилъ въ этотъ день все что успѣлъ! —
 Тюльери, Пале-Рояль, большой Оперный театръ,
 гдѣ скромность нашего Государя не позволила
 представити, «торжество Траяна.» Давали
 «Веспалку,» и публика заспавила актера Лаиса
 (Lays), закоренѣлаго республиканца, зашпунъ
 противъ воли пѣсню *Vive Henri IV*. Уже Фран-
 цузы успѣли сочинити подъ этотъ голосъ ку-
 плешы въ честь нашего Императора, копорые
 начинались такъ: *Vive Alexandre vive ce Roi des*
Rois! и приняты были съ оглушающими рукопле-
 сканіями. Послѣ представленія нашъ Государь
 только что вышелъ изъ театра, какъ полна
 бросилась въ ложу Наполеона и изломала въ
 куски бывшаго на ней Императорскаго орла,
 разбивъ такимъ образомъ кумиръ, копорый
 еще на канунъ обожала. Сцѣна, достойная Пари-

жанъ! Та же участь предоставлена была колоссальной статуѣ, стоявшей на Вандомской колоннѣ (colonne de la place Vendôme), на которую уже было накинута арканъ дабы низвергнуть ее; но она была бронзовая, и устояла противъ усилій новорожденныхъ энтузіастовъ, а потомъ съ нашей стороны приняты были мѣры для предупрежденія дѣйствій Парижскаго сумасбродства. Императоръ Александръ, глядя на эту колонну, произнесъ слова, заключающія въ себѣ глубокий смыслъ. «Еслибъ я стоялъ такъ высоко, сказалъ онъ, у меня бы голова закружилась.» Августѣйшій достойный преемникъ его воздвигнулъ ему монументъ безсмертный: но что возвышается на вершинѣ этого монумента?... Эмблемы вѣры и смиренія! Et nunc discite, gentes.... Но для меня кампанія была еще не кончена, и я только мелькомъ могъ взглянуть на Парижъ; по крайней мѣрѣ я получилъ понятіе о видѣ этой огромной столицы, старой грѣшницы, оставленной Богомъ и пользовавшейся въ теченіе пятидесяти лѣтъ почти исключительною незавидною привилегіею надѣлять Европу войнами и смутами. Я присоединился къ своему генералу въ Арпажонъ. Мы получили приказаніе продолжать военныя дѣйствія къ споронъ Фонтенебло, (Fontainebleau), потому что союзные Монархи не хотѣли подражать безпечности Наполеона въ Москвѣ,

сшюившей ему шакъ дорого. Пока онъ былъ на ногахъ, мы не должны были засыпать. Мы прошли Монлери, (Montlhéry) Лимуръ (Limours) и 28-го Марша встрѣшили непріятеля близъ городка Лаферте-Аллè (La Ferté Allais) въ 16 верспахъ отъ Фоншенебло. Мы бросили нѣсколь-ко ядеръ, и съ удивленіемъ увидѣли, что наша аптака произвела въ непріятельскомъ лагерѣ величайшій безпорядокъ. Вслѣдъ за шѣмъ являеш-ся парламеншѣръ, и пропешуешъ прошивъ шо-го, что онъ называлъ нарушеніемъ права наро-довъ , пошому что Наполеонъ отпказался отъ прешола и между воюющими сторонами заклю-чено перемиріе. Мы въ первый разъ о шомъ слышали, и какъ подобное извѣстіе мы должны были получить не отъ Французскаго парламен-шера, шо и отпвѣчали, что еще не имѣемъ ни какихъ предписаній на эшотъ случай и можемъ шолько позволимъ непріятельскому генералу отпешупитъ , не шревожа его , но что городъ долженъ бытъ намъ сданъ. Такимъ образомъ онъ досшался къ намъ въ руки : но вечеромъ того же дня мы получили предписаніе генерала Василь-чикова, копорый въ шо время сдѣлался нашимъ командиромъ , прекрашмъ военныя дѣйствія и оспановимъся шамъ, гдѣ эшо предписаніе насъ заспанешъ. Вслѣдствіе эшихъ новыхъ распоря-женій, согласовавшихся съ увѣреніями Француз-скаго парламеншѣра, генераль Емануель послалъ

сказавъ непріятельскому генералу , что , получивъ приказаніе прекратить военныя дѣйствія , онъ готовъ сдать ему городъ Лаферте-Алле. Само собою разумѣется , что Французскій генералъ долженъ былъ скорѣе получить извѣстіе о перемиріи , которое было слѣдствіемъ опрѣченія Наполеона , подписаннаго въ Фоншенебло отъ кошораго войска его были такъ близко , тогда какъ мы получали приказанія изъ Парижа. Однако , не принимая это въ уваженіе , онъ отвѣчалъ , что послѣ вчерашняго происшествія , онъ хочетъ имѣть заложника , чтобы быть увѣреннымъ въ своей безопасности. Объ этомъ не стоило и спорить , и я назначенъ былъ служить господамъ Французамъ аманомъ впредь до опредѣленнаго перемиріемъ разграниченія.

Здѣсь представляется довольно замѣчательный эпизодъ военной моей жизни.

Я отправился во Французскій лагерь ; въ немъ командовалъ генералъ Пике (Piquet) , и войско его состояло изъ одной кавалеріи , принадлежавшей большею частію къ почешной спражѣ , *garde d'honneur* , и составляющей часть корпуса генерала Бордесу , (Bordesoult). Такимъ образомъ я провелъ три дня въ обществѣ Французскихъ офицеровъ , и жилъ у ихъ генерала. Они съ величайшимъ раздраженіемъ видѣли злополучіе своего Императора , кошораго обожали. Одинъ только рокъ , который уже нѣ

сколько времени тяготѣеть надъ нимъ, говорили они, заставилъ его опречься отъ престола, когда онъ еще имѣлъ въ рукахъ столько средствъ для продолженія войны. И шутъ они начинали исчислять эти средства, которыя, по ихъ мнѣнiю, состояли въ томъ, чтобы Наполеонъ опустилъ съ своимъ войскомъ въ Вожскiй Департаментъ, (Département des Vosges): тамъ окруженный неприспущными крѣпостями, онъ могъ бы собрать всѣ остающiяся во Францiи войска, призвать Вице-короля Италiанскаго съ его армiею, выпребовать Даву съ его корпусомъ изъ Гамбурга, что составило бы тотчасъ армiю въ 150,000 человекъ; потомъ сдѣлать воззванiе ко всей Францiи, провозгласить, что опечество въ опасности, уничтожить декреты Сенаата, и членовъ его объявить измѣнниками. Вотъ что, по словамъ этихъ господъ, могъ сдѣлать Наполеонъ, но одинъ рокъ помѣшалъ ему. Я отвѣчалъ только, что въ нашей армiи не знаютъ что такое рокъ и все относятъ Провидѣнiю. Въ числѣ этихъ говоруновъ особенно отличался довольно увлекательною болтовнею Пиго-Лебренъ (Pigault-Le-Brun), сынъ автора многихъ безнравственныхъ романовъ. Мнѣ любопытно было встрѣтить шутъ шѣхъ самыхъ кавалерiйскихъ офицеровъ, которые дрались съ нами въ Реймсѣ, и я съ удовольствiемъ слышалъ, что они называютъ это

настоящею западнею, попому что совершенно неожиданно были осыпаны градомъ пуль съ пылу. Они разумѣли диверсію, сдѣланную полковникомъ Скобелевымъ съ Рязанскимъ полкомъ, который обратилъ ихъ въ бѣгство. Разговоры наши были, какъ изъ этого видно, довольно занимательны.

Въ числѣ офицеровъ, бывавшихъ у генерала Пике, я замѣтилъ одного полковника командира 40-го Гусарскаго полка, человека съ пасмурнымъ лицомъ который вѣчно сморщилъ на меня скоса, и никогда не говорилъ со мною; въ физиономіи его было что то отвращительное; онъ былъ смуглъ, плешивъ, и вообще голова его походила на черепъ. Однажды генераль Пике опозвалъ меня въ спорону и сказалъ, что эшотъ полковникъ безпресшанно стараешся возбуждать въ немъ безпокойство, увѣряя что въ слѣдующую ночь мы намѣрены напасть въ распахъ на его войско, и что я присланъ только для того, чтобы подговаривать дезертировъ. При эшомъ неожиданномъ признаніи, я спросилъ генерала Пике: «Вѣрите ли вы, сударь, бреднямъ вашего полковника? Генераль, нѣсколько смущенный моимъ вопросомъ, и опривисшимъ тономъ, съ которымъ я его произнесъ, отвѣчалъ, что онъ съ своей стороны не можетъ полагать, чтобы въ Русской арміи были люди, способные къ поступку шоль не-

добросовѣстному , что между нѣмъ я долженъ
 былъ извинить подозрительность полковника,
 потому что въ послѣднее время въ полку его
 было много дезертировъ , что при томъ наша
 ашпака въ такое время , когда надобно было
 предполагать , что мы уже получили извѣстіе
 о перемиріи, могла питать подобныя подозрѣ-
 нія въ чловѣкѣ, подавленномъ столько зло-
 получіями ; а что касается до ночнаго нападе-
 нія, которымъ ему угрожали, то это основано
 единственно на словахъ деревенскихъ жителей
 пришедшихъ изъ нашего лагеря. « Въ такомъ
 « случаѣ, генералъ , возразилъ я съ нѣкоторою
 « живостью, я долженъ вамъ объявить, что, бу-
 « дучи единственнымъ здѣсь представителемъ
 « Русской арміи , не могу унижиться до того,
 « чтобы опровергать вѣсти , придуманныя г.
 « полковникомъ 40-го гусарскаго полка; но по-
 « зволяю себѣ замѣнить вамъ, что онъ долженъ
 « былъ бы помнить рыцарскій поступокъ нашъ
 « съ вами не далѣе какъ прѣшняго дня , когда,
 « заславъ васъ въ располхъ мы, по всѣмъ пра-
 « вамъ войны , могли испребить опрядъ вашъ ,
 « и между нѣмъ, по первому вашему предска-
 « званію, позволили вамъ покойно опспунить ,
 « не хотя сражаться съ непріятелемъ, который
 « не приготовился къ оборонѣ. Позвольте еще
 « прибавить, что если кто можетъ жаловаться
 « на явное нарушеніе права народовъ, то имен-

«но я, пошому что съ мѣсяць шому назадъ я
 «былъ посланъ парламентаромъ въ Реймсъ съ
 «предложеніемъ сдачи и былъ принятъ пушеч-
 «нымъ выстрѣломъ.» Не желая продолжати эшо-
 го разговора, я поклонился генералу, и не сшалъ
 дожидаться его отвѣта. Въ остальную часть
 дня обхожденіе наше было довольно холодно,
 не пошому чтобы холодность происходила со
 стороны генерала, но пошому что, послѣ ока-
 занныхъ мнѣ подозрѣній, я уже не могъ сво-
 бодно предаваться откровенному разговору.
 Эшотъ случай напомнилъ мнѣ, что ушромъ то-
 го же дня я игралъ у генерала на билльардѣ съ
 однимъ офицеромъ и, когда мы остались одни,
 шотъ тайнственнѣе подошелъ ко мнѣ, признал-
 ся, что хотѣлъ бы перейти въ нашу армію, и
 просилъ меня помочь ему. Я бросилъ на него
 взглядъ, изъ котораго онъ могъ заключить
 какъ я принялъ эшо сообщеніе, и вмѣсто
 отвѣта предложилъ ему доиграти нашу пар-
 тію. Я уже забылъ эшо приключеніе, какъ раз-
 говоръ съ генераломъ напомнилъ мнѣ его, и я до-
 гадался, что эшотъ офицеръ подосланъ былъ гу-
 сарскимъ полковникомъ, шѣмъ болѣе что онъ
 былъ его полка. Между шѣмъ подозрительный
 полковникъ продолжалъ хлопотать и суешиться;
 въ послѣдствіи я узналъ, что эшотъ самый
 полковникъ застрѣлился съ отчаянія послѣ сра-
 женія при Ваперлоо, которое на всегда поло-

жило конецъ могуществу Наполеона. На другой день, рано ушромъ вставъ съ постели, пошчасъ сошелъ я въ гостиную генерала Пике, и къ удивленію моему нашелъ тамъ множество офицеровъ всѣхъ чиновъ, за исключеніемъ одного только полковника: они всѣ были въ полной формѣ, и казалось, провели всю ночь безъ сна. Генераль пошчасъ подошелъ ко мнѣ, дружески пожалъ мнѣ руку и сказалъ: «извините, что мы васъ оскорбили нашимъ подозрѣніемъ, думая, что ночь не пройдетъ безъ нападенія съ вашей стороны; но полковникъ 40-го гусарскаго полка, утверждалъ, что онъ совершенно увѣренъ въ томъ что говоришь, и грозилъ мнѣ такою отвѣтственностью, что я принужденъ былъ принять всѣ нужныя мѣры противъ нечаяннаго нападенія: вотъ почему мы устроили баррикады при всѣхъ входахъ въ городъ, и всю ночь простояли за ними.— Жаль мнѣ, господа, отвѣчалъ я, что вы провели такую безпокойную ночь а я, между тѣмъ, выспался какъ нельзя лучше. Я надѣюсь, что вы будете благодарны за то, что я избавляю васъ отъ упрековъ, которые бы имѣлъ полное право вамъ сдѣлать, вы люди съ честью, и вѣрно сами себя упрекаете; не я стану огорчать васъ въ положеніи, и безъ того довольно тяжѣломъ.

Часовъ въ десянь утра пріѣхалъ Генераль

Емануель , чтобы окончательно опредѣлить границы: само собою разумѣется, что я не говорилъ ему, при этихъ господахъ, какое прекрасное мнѣніе они объ насъ имѣютъ, положеніе мое было бы слишкомъ выгодно и при томъ надобно извинить людей въ несчастіи.

Война такимъ образомъ кончилась: мнѣ привелось еще быть нѣсколько дней комендантомъ въ городѣ Этанпъ (Etampes); послѣ чего я просилъ позволенія отдохнувъ въ Парижѣ, и пріѣхалъ туда около половины Апрѣля. Имя Императора Александра было во всѣхъ ушахъ, благодѣянія его во всѣхъ сердцахъ; тамъ я узналъ, что Наполеонъ отправленъ на островъ Эльбу, и въ этомъ дивномъ окончаніи происшествій, которыхъ я былъ свидѣтелемъ въ продолженіи года и восьми мѣсяцевъ, я видѣлъ ясное наказаніе ему за вторженіе въ Россію, и за оскорбленіе святыни нашихъ алтарей. Борьба между Александромъ и Наполеономъ представилась мнѣ какъ борьба между Геніемъ добра и геніемъ зла, въ которой первый не могъ не взять верхушки.

Бурбоны были возвращены Франціи. Я видѣлъ какъ графъ d'Артуа (Monsieur, comte d'Artois), вѣзжалъ въ Парижъ; никогда не думалъ я, чтобы народный энтузіазмъ могъ доходить до безумія подобнаго тому, какое овладѣло Парижанами при видѣ этого Принца. Его возносили

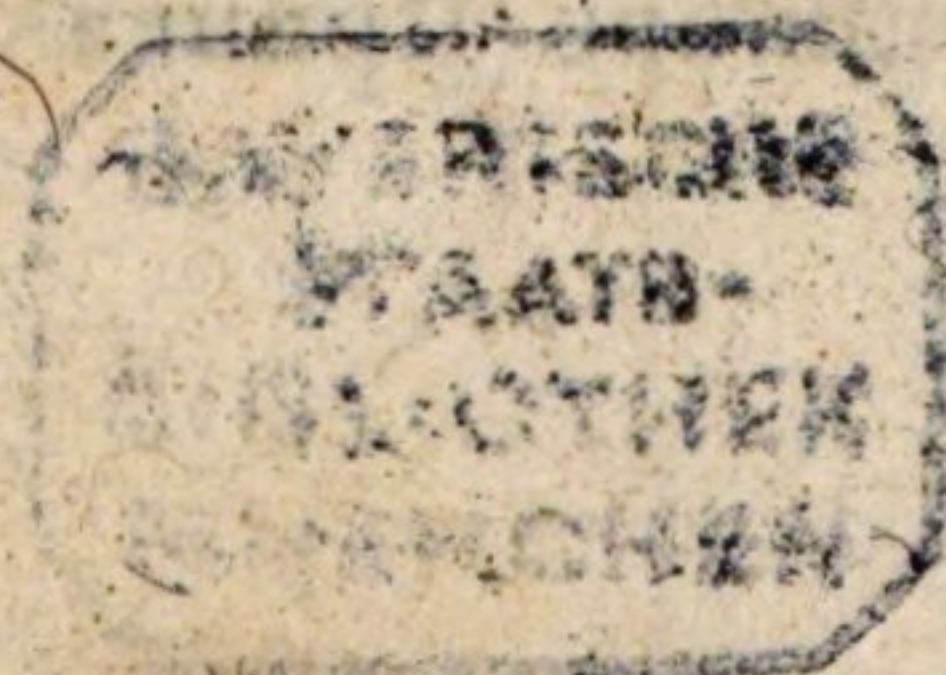
до небесъ , цѣловали полы его плащя , всѣ рыдали;это было невообразимое упоеніе. Окружающіе его вырывали съ восшоргомъ другъ у друга бѣлыя леншочки , копорыя онъ бросалъ въ народъ и шущъ же вздѣвали въ пеплицу. Я самъ былъ пронущъ до слѣзъ этою карпиною.

Я спарался показатъ въ эпомъ краткомъ разсказѣ какое видимое покровительсшво небо оказывало намъ въ продолженіе этой доспопашной войны : и не замѣтно ли шущъ дѣйствіе благаго Провидѣнія, когда мы видимъ что наше опечесшво нынѣ еще болѣе расшешъ въ силѣ и благоденствіи , подъ управленіемъ Государя мудраго, просвѣщеннаго, великодушнаго, добродѣшельнаго и сильнаго душею , копорый руководсшвуется испиною и правосудіемъ и всегда будешъ побѣждашъ враговъ общесшвеннаго спокойсшвія , пошому что носимъ въ сердцѣ своемъ девизъ :

Si Deus pro nobis, quis contra nos?

Аще Богъ за ны, кто на ны?

К О Н Е Ц Ъ .

О П Е Ч А Т К И.

Вмѣсто:		Читай
Стр.	Строка.	
65	3. (съ низу)	Шалонъ—арнѣ Шалонъ на Марнѣ.
70.	3.	Видя Ведя
74.	4.	Rethel Rethel
79.	18.	Промчалъ Прологалъ
81.	18.	Ошдѣланъ Наведенъ
81.	15.	Венгана Венсана (Vincent)

CHURCH

Golicyn, Nikolaj Borisovič,

Oficerskija zapiski, ili vospominanija o pochodach 1812, 1813 i 1814 godov

Moskva 1838

Biogr. 3068 d

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10068698-5